

ТАТЬЯНА ГАРМАШ- РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

УКРЫТЬСЯ В ОБЛАКАХ

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Укрыться в облаках

«ЭКСМО»

2012

Гармаш-Роффе Т. В.

Укрыться в облаках / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо»,
2012 — (Частный детектив Алексей Кисанов)

ISBN 978-5-699-55003-6

Неприятности нарастают как снежный ком, но, увы, худшее еще впереди!.. Детектив Алексей Кисанов снова берется за работу! Сбежав в Москву от опасного поклонника, Рита находит ночлег у красавца Саши, а в обмен налаживает его компьютер, удалив папку с опасными файлами. Что в них, Рита догадалась: Саша – «мальчик по вызову», и у него есть веб-камера... Наутро девушка перебирается к его другу Андрею: он согласен приютить беглянку. Все вроде бы складывается для Риты неплохо, если не считать замкнутого характера Андрея... Однако кому-то позарез понадобились удаленные Ритой файлы, и теперь на всю троицу открыли охоту бандиты! Саша избит, в квартире Андрея все перевернуто, а Риту ищет полиция. Ко всему прочему, – так некстати! – в интригу вмешалась любовь. Голос разума ей неведом... С этим сладить не может даже детектив Алексей Кисанов. Как ему уберечь молодых людей, если они не внемлют его советам?! Ведь у каждого из них свой строптивый характер и столь разные желания...

ISBN 978-5-699-55003-6

© Гармаш-Роффе Т. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Среда. Рита. Нижний Тагил	5
Среда. Александра. Москва	21
Среда. Алексей Кисанов	32
Четверг – пятница. Рита	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Гармаш-Роффе

Укрыться в облаках

*Когда я вернулся, была среда,
Суставами тряс февраль.
В снегу пересохишем, в осколках льда
Кишела звёздная шваль.
И серая птица с мёртвым лицом
Толпилась перед крыльцом.*

В.Лейкин

Среда. Рита. Нижний Тагил

За темным окном бешено мчался снег. Не видно ни зги – только густые прочерки белого на черном, словно мелом сердитого учителя на классной доске.

Пурга летела вместе с поездом сквозь ночь, сопровождая Риту из Нижнего Тагила в Москву. Ее отражение слабо вырисовывалось в ослепшем стекле, подрагивая, будто призрак, будто она ненастоящая, будто ее вовсе и не было... Казалось, это острые, сухие копыя снега пронзили ее насквозь, изрешетили, убили.

Рита вздрогнула, передернула плечами: внезапно захотелось почувствовать свое тело – настоящее, не призрак за окном, – проверить, жива ли.

Жива! И на свободе. Что уже неплохо для начала...

Следовало бы спать, – на то и ночь! – но она никак не могла успокоиться, пила горячий чай, второй стакан, смотрела в окно и вспоминала этот, уже закончившийся день: как бросала в дорожную сумку вещи, почти не соображая, какие и зачем; как перегнала все важные файлы на забугорные «облака», – то есть Интернет-сайт, где можно хранить свои файлы и где их никто не найдет, – а в компьютере стерла все, абсолютно все! Она не была уверена, что Митя не приставил следить за ней кого-то из своих, что не перехватит ее в последний момент! А там и ее комп выложит на свой следственный стол, изучит содержимое и скажет: «Ну что, Маргаритка, попалась?»

* * *

...Митьку она встретила случайно, на улице.

Когда-то жили в одном дворе, и он, несмотря на четырехлетнюю разницу в возрасте, всегда засматривался на нее, соплюшку. Завидев ее издали, принимался демонстрировать силу: прихватив пару тщедушных пацанят за тонкие шейки, пригибал их к земле, вынуждая опуститься на колени, и смотрел на Риту победно, будто ждал, что она восхитится, а то и хлопает... Уже в свои одиннадцать лет Рита чувала – Митька таким первобытным образом дар ей подносил, хотел понравиться. Он был не одинок: многие мальчишки старались понравиться маленькой красавице с темными блестящими кудрями и ярко-черными глазами, – но только Митька, гроза местных дворов, толстый, высокий и глупый, пытался завоевать ее благосклонность замашками начинающего пахана. Рита много раз пыталась поговорить с ним «по душам» – нехорошо, мол, обижать слабых, – а Митька исправно удивлялся: «Да разве я их обидел? Так, пошутил маленько!»

И Рита, качая по-взрослому головой, вздыхала: «Дурак ты, Митька!»

Ни от кого бы он не стерпел подобного определения, – но, странным образом, Рита относилась к нему с легкой ноткой покровительственности, как взрослые относятся к несмышляшкам, а он принимал это ее отношение почти благоговейно. Хулиганом и грозой дворов он, разумеется, быть не перестал, но в ее присутствии становился смирным и даже добродушным.

* * *

К четырнадцати годам Рита превратилась в девушку, а Митьке к восемнадцати катило, замаячила перспектива армии. Из их отношений ушла детская простота, на ее место заступила мучительная неловкость: Митин взгляд преследовал Риту повсюду, но как только они встречались глазами, он старался спрятать, загасить неподдельную страсть-обожание. Рита стала его сторониться, выбирая окольные пути от подъезда к школе, но совсем избежать встреч с ним не могла. И его взгляд прожигал ее так, что хотелось бежать сломя голову, лишь бы подальше от чего-то тяжелого, душного, притаившегося в его глазах.

Однажды он все-таки решился. Подловил Риту на тропинке, приблизился. Его громадное тело нависло над ней, запах алкоголя обдал ее лицо... Митя с детских лет фасонничал доступным его разумению способом: демонстративно таскал с собой бутылку какого-то пойла, время от времени столь же демонстративно прикладываясь к горлышку. При этом пьяным Рита его практически никогда не видела... или он не показывался ей на глаза? А тут, видать, и в самом деле выпил «для храбрости». На мгновение девочке стало не по себе, но она быстро страх прогнала: знала, что ничего плохого ей Митя не сделает. Если бы она захотела, он бы, пожалуй, на руках ее носил, любой каприз выполнял...

Проблема в том, что Рита этого не хотела.

– Торопишься, Маргаритка?

– Как всегда, Мить. Уроков куча.

– Слушай... Я человек простой, не умею сложно...

– Я знаю, – с легкой иронией улыбнулась она.

– Чего ты знаешь? – вскинулся он.

– Что ты простой, – энергично кивнула она в подтверждение своих слов. Ее блестящие волосы взвились и снова легко легли на плечи, Митя проследил за ними взглядом.

Он подумал, не зная, как реагировать, и решил, видимо, в тему не углубляться.

– В общем, я сразу к делу... Давай гулять вместе, Маргаритка? Я тебя с детства... Ну, это... В общем, ты мне как сестра... и даже больше...

Он сконфузился, сбился, но вскоре продолжил:

– В общем, ты девушка что надо. Я хочу с тобой... В общем, чтоб любовь у нас была. И чтоб ты меня из армии ждала. У меня деньги есть, одену тебя, как принцессу... А то ходишь, нищета-нищетою, такой красивой девчонке нужны тряпки хорошие... Хочешь, прямо сейчас в магазин поедем? И колечко тебе куплю золотое, если ждать пообещаешь из армии... Поедем?

– Мить, ты чего, с дуба рухнул? Какая любовь, я же маленькая еще, ничего про любовь не знаю! – произнесла она детским голосом. Интонацию эту детскую она нашла неожиданно для самой себя, интуитивно, как средство защиты.

Но втуне: на Митю она не подействовала. Он вдруг наклонился к ней и произнес с неповторимым выражением вожделения и обожания:

– Я тебе расскажу об этом, Маргаритка, хочешь?

Она быстро замотала головой.

– Да ладно врать! Все девчонки хотят узнать!

– Вот и рассказывай им!!!

– Кому? – не понял Митя.

– Тем девчонкам!

– Рит, я тебя хочу, другие мне по... по фигу. У меня к тебе отношение особое, Маргаритка... Ты подумай, ты не отказывайся! Все равно скоро пора придет, лучше у тебя буду я первым... Я тебя не обижу! Я знаю, как тут у нас некоторые... Парни и девчонки... – Митя замолчал, он явно искал слово – не матерное, – чтобы обозначить, чем занимаются «парни и девчонки», но не находил. – В общем, тебе лучше со мной, чем с каким-нибудь малолетним чмо, понимаешь?

– Нет.

Рита вскинула на него черные глаза с удивлением. Конечно, она поняла, на что намекал Митька, и ей было стыдно и неприятно оттого, что он говорит с ней на *такую тему* практически без обиняков, как со взрослой, – потому она предпочла сделать вид, что не догадывается о смысле его слов.

– Ну чего ты... Как маленькая... ты же знаешь, что бывает между мужчиной и женщиной?

– Знаю... – осторожно ответила она. Врать бессмысленно: кто же в четырнадцать лет этого не знает! – Но я не женщина. Я девочка, Мить! Ты приди в себя, а?

– Ты все равно скоро станешь женщиной, кто-нибудь тебя да трахнет! – Митя начал злиться. – У нас тут после пятнадцати целок нет, все дырявые! Так лучше ты это со мной... Тебе же лучше, дур... дурочка!

Рита вспыхнула от неловкости и негодования.

– Нет, ну ты точно рехнулся! Пусти! – она отодвинула огромную тушу плечиком и направилась к своему подъезду.

– Ритка! Стой!

Но она только ускорила шаг.

Он нагнал ее в два скачка, крепко схватил за шею, силой развернул к себе.

– Ты не поняла... Я тебе любовь свою и дружбу предлагаю, а это дорогого стоит, Маргариточка, этим не бросаются! И деньги тебе буду давать, у меня их много, а станет еще больше... Королевой будешь со мной!

– Ми-тя, – отчеканила она, – мне че-тыр-над-цать лет! Ты чего-то не то съел с утра!

– Ладно, – вдруг согласился он, – я чего-то правда... Ты такая красивая, и взрослой кажешься... А ты еще, конечно, соплюшка... Тогда давай просто дружить, Рит!

Но глаза его горели и совсем не то говорили...

– Да мы вроде и так друзья, – несколько преувеличила Рита степень близости их отношений, ища способа избавиться от этого неожиданного нашествия.

– Я имею в виду... В кафе будем ходить вместе... Или куда захочешь!

– А разговаривать будем о чем? – фыркнула она.

– *Разговаривать*? А зачем нам... Ну, я тебе про кино расскажу последнее...

– Митя, ты тупой. Как был тупым, так и остался. Не буду я с тобой в кафе ходить, и никуда не пойду, понял? Пусти, мне уроки надо делать!

* * *

Неизвестно, чем дело бы кончилось, но вскоре Митя ушел в армию. Пока он служил, его семья переехала, и вернулся он в родительский дом уже по другому адресу. Пару раз Рита все-таки видела его в своем дворе, но он только коротко зыркнул на нее и прошел мимо.

«Слава богу, – подумала она тогда, – излечился...»

* * *

...И вот встретились, спустя тринадцать лет. Рите двадцать семь, ему тридцать один. Совсем взрослые.

– Ритка! – заорал он. – Маргаритка, это ты, что ли?! Еще краше стала, блин, ну офигеть просто!

Рита и в самом деле изменилась со времен их общения: из мелкой худышки превратилась в статную женщину с выразительными формами.

Митя же растолстел. Вернее, он и в детстве был довольно толстым, но скорее мясистым, чем жирным. Теперь же к непомерной его мясистости прибавился жир, пузо нависало над брюками, а щеки над воротником. Он напоминал хряка, сильного и мощного, несмотря на слои тяжелого сала. Или, наоборот, благодаря им.

* * *

...Детские воспоминания способствуют размягчению души... И, похоже, мозгов тоже. Рита с ним обнялась и согласилась посидеть вечером в ресторане.

И даже когда он похвастался, что дослужился до начальника районного отделения полиции, – скоро звание полковника получит! – она не напряглась: не ждала от Митьки подвоха. Наоборот, порадовалась: не бандитом стал, как можно было бы ожидать, не братком, – а стражем правопорядка!

Конечно, Рита читала в Интернете, что вытворяют «стражи правопорядка», но в целом ее отношение к ним было *правильным*, – таким, как воспитали родители: «моя милиция меня бережет». То есть, в ее глазах это правильная организация, основанная на правильной идее, а всякие «оборотни в погонах» – это всего лишь отдельные «неправильные» случаи...

* * *

Позже она сильно пожалела, что пошла на поводу у своего детского идеализма, что не насторожилась вовремя: ведь Митя *начальник РУВД*, – то есть власть.

ВЛАСТЬ. То, что в одну секунду может подмять твою жизнь под себя.

Но тогда, когда они столкнулись на улице, он был улыбчив, доволен собой, добродушен. Разве могла Рита подумать, что его детская любовь вдруг всколыхнется? Что отомстится ей и за прошлое к нему равнодушие, и за нынешнее?

Она согласилась с ним поужинать, – ну как же, друг детства... «А помнишь, как я тебя портфелем огрела? – Еще бы! Никто бы себе не позволил такого, только ты, Маргаритка!»

Вечер наполнился разговорами, в которых чуть не каждая фраза начиналась с милого «а помнишь, как...».

Да только после ужина Рите пришлось вырываться, когда он подпихивал ее к своей навороченной черной машине.

– Митя, ты с ума сошел? – недоумевала она. – Я же из дружеских чувств, я не имела в виду...

– Я тоже, я из *дружеских*... – тяжело дышал ей в лицо подвыпивший за ужином хряк. – Я всегда к тебе эти... дружеские... испытывал... Поехали ко мне, королевой будешь, Рита! Все для тебя сделаю, я все могу теперь, слышишь? Поехали, поехали-и-и!!! – сладострастно постанывал он.

Ее воротило от его хриплого алкогольного дыхания, от натиска его могучей плоти, – а он сжимал ее локти так, словно собирался заломить их и связать, как преступнице, и напирал, напирал, подталкивая ее к черной иномарке с тонированными стеклами.

Рита поняла, что если она окажется внутри, то прямо там он ее и изнасилует.

Собрав все силы, она вывернулась из его мощных рук, из его толстых пальцев. Как можно спокойнее произнесла: «Митька, ну ты прям как в детстве! Помнишь, как мы с тобой у качелей подрались?» – она заставила себя улыбнуться.

– Я бы и сейчас с тобой не отказался подраться, – тяжело, страстно проговорил он. – В постели... Поедем! Ублажу тебя, не пожалеешь!

Рита окончательно поняла, что вляпалась.

– Ты сошел с ума, – холодно произнесла она. – Я замужем. Ты за кого меня принимаешь?!

– Замужем? Ты? – он посмотрел на ее руки.

– Обручальное не ношу, не люблю, – ответила на его невысказанное сомнение Рита.

К счастью, на пальцах у нее не было ни одного кольца: она действительно их не любила.

Митя помолчал. Затем в светлых глазах его промелькнуло что-то похожее на черную молнию: он не знал, сказала ли она правду... Но ему, начальнику ментов, проверить легко, и, если Рита солгала, туго ей придется, – вот что означала черная молния.

А она-то как раз и солгала.

* * *

Митя сделал еще две попытки добиться свидания с ней, – уже было яснее ясного, какого именно, даже если речь шла вроде бы только о шикарном ресторане.

В первый раз Рита сослалась на дела, в другой на недомогание...

– А ты ведь не замужем, – произнес Митя. – Лгунья. Ну, пеняй на себя!

И он отключился.

А через несколько дней Рита получила повестку в налоговую инспекцию. Ляпнула ему тогда, при первой встрече, забыв об осторожности, что работает она частным образом программистом, на заказ...

* * *

...В многодетной семье она была старшей, из шумного, бедного дома постаралась вырваться, как только смогла. И зачем люди, не имеющие средств, заводят столько детей? Еще пятеро, помимо нее, – с нею шесть, – да плюс родители, итого восемь человек на три комнаты да шестиметровую кухню! Все друг у друга на голове, все вразнобой: кому музыку хочется слушать, кому уроки надо делать; у одного живот болит, у другого сопли; тот спать собрался, а этому телевизор посмотреть охота... Родители стояли, конечно, в очереди на улучшение жилищных условий по государственной программе, – да когда еще дождутся? Квартиры из фонда уходили за взятки тем, у кого и так денег навалом...

Мама с папой мыслили себя великими педагогами. Оба работали в школе, где их передовые идеи сталкивались с непониманием коллег и директора. И тогда они решили вырастить образцовых детей в семье. Для этого им не хватило бы одного ребенка, ни даже двух: им требовался *коллектив* детей, который они жаждали научить разумному, доброму, вечному. У них имелись разработки, особые развивающие программы-игры, благодаря которым Рита начала читать, делать простые арифметические упражнения и немножко говорить по-английски в четыре года. К ним даже приезжало местное телевидение, – тогда детей было только трое, – и снимало их занятия. Потом они все вместе сидели на диване и смотрели передачу с участием мамы и папы, и младший, двухлетний Федя, показывая пухлой младенческой ручкой на экран, четко выговаривал, чуть грассируя: «*развивающие игры*»!..

Телевидение приезжало к ним еще пару раз, папу с мамой постоянно приглашали на встречи в разные дома культуры, где их осаждали с вопросами родители, жаждущие сделать из своих чад гениев. В городе они стали знаменитостью, уж не говоря о дворе. Несмотря на бедность Просвириных, к ним относились с почтением: *культурная семья! Их даже по телевизору показывают!* Директор школы, которая до этого и слышать не хотела о педагогических разработках родителей, неожиданно заявила о желании внедрить эти самые разработки в про-

цесс обучения, – Рита помнила, как папа тогда шутил: «Наверное, раз мечталась, что ее тоже по телевизору покажут!»

Это были годы славы и торжества идей учителей-новаторов Просвириных. Даже большая пятикомнатная квартира почти стала реальностью: ждать оставалось всего год, один год!

...Да только этот год оказался девяносто первым. Страна будто перевернула страницу в книге: на той, закрытой, остались любые идеи, область духа, – а на новой оказалось прописано лишь материальное, денежное. Ни к концу этого года, ни в последующие Просвирины новую квартиру так и не увидели: она все отодвигалась, как мираж в пустыне.

Однако родители стойко продолжали идти к намеченной цели – произвели на свет еще троих детей, одного за другим, словно не видели, как изменилась жизнь в стране. Или надеялись, что их передовую семью не оставят подыхать с голоду? Все еще верили в торжество светлых педагогических идей?

Пособие многодетной семье было смехотворным, а зарплата всего одна, папина, – мама уже уволилась из школы, воспитывая и обихаживая всю ораву. Родителям самим вскоре стало не до новаторских программ: бедность и теснота приводили к постоянным болезням детей, недосыпу, несделанным урокам, плохим отметкам «вундеркиндов»... А беспрестанные назидательные разговоры ровным доброжелательным голосом (родители считали неправильным повышать на детей голос) о разумном и справедливом поведении вызывали у младшего поколения стойкую тоску. Тем более что родители не приветствовали поощрительный метод: за хорошее поведение ребенок должен быть удовлетворен *морально*, и награда в виде, к примеру, мороженого лишь повредит правильному формированию ценностей, считали они...

Так они и жили: в постоянной тесноте и в обиде. Но в силу высоких идей делали вид, что *в тесноте, да не в обиде*. Рита ощущала это лицемерие с ранних лет, хотя в нем исправно участвовала: а куда деваться?

Значительно позже, в старших классах, она провела аналогию: их семья повторила по сути историю советского государства: от высоких идей на заре революции по формированию «нового человека» – через отсутствие здоровой экономической базы – к лицемерию и демагогии.

В столь ударном деторождении Рита теперь усматривала исключительно эгоизм родителей: они на детях проводили педагогический эксперимент, хотели всему педагогическому миру доказать правильность *своих* идей! В точности как «вождь пролетариата»: *свои* идеи он воплощал путем эксперимента над *другими*... Кто ему дал право?! Кто дал право ее родителям экспериментировать над ней, над ее братьями и сестрами?!

И дело даже не в том, что их идеи не оправдались. Рита, – она да, была словно воплощением успеха родительских новаторских методов: и память отличная, и соображает быстро, и знает много. Но ее братья и сестры ничем не блистали, ничем. Ну, рано научились писать и считать, складывать замысловатые кубики. И что? Все куда-то исчезло, бесследно растворилось. Под грузом трудного быта, – так долго считала Рита...

Пока ей как-то не сболтнула соседка, что Рита и еще двое детей после нее Просвириным не родные. Усыновили-удочерили, у самих не получалось. Зато последние трое – уже их, родные.

Соседка заклинала Риту ее не выдавать, при этом глаза «доброжелательницы» горели жадным блеском: хотела увидеть реакцию девушки на подобное открытие. Однако, к ее вящему разочарованию, Рита отреагировала крайне сдержанно – лишь кивнула: спасибо, мол, за информацию.

Ее и в самом деле не потрясло открытие. Мысль эта мелькала в ее голове и раньше, простым подсчетом ударности деторождения трех первых детей, которых разделяло всего по году разницы. Но, главное, у нее никогда не было с родителями отношений ни близких, ни нежных. Они даже в семье оставались *учителями*, а не папой и мамой... Рита только отрешенно поду-

мала, что, возможно, не тяжелый быт объясняет провал родительских идей, а просто-напросто **гены**. Они у всех детей разные. Рита оказалась наиболее талантливой, вот и все... Передовые педагогические методики тут ни при чем.

* * *

Родителям она ничего не сказала, вопреки чаяниям соседки. Та, хоть и заклинала Риту не проболтаться, но, похоже, надеялась на обратное. И предвкушала скандалчик в «культурной семье».

Не вышло.

Рите даже в голову не пришло припирять родителей (приемных, как она теперь знала) к стенке и обвинять их в том, что правды не сказали, – равно как и попытаться разузнать хоть что-нибудь о своих настоящих.

Зачем? Раз ее бросили...

* * *

Отделилась от семьи она при первой же возможности, уехав в Екатеринбург обучаться профессии программиста.

С компьютером Рита подружилась в тринадцать лет – сразу же, как только ей кто-то из подруг скинул с барского плеча старый «Мак», «Макинтош»: в округе все знали, что многодетная семья Просвириных бедствует. Старичок «Мак» все время барахлил, и Рита исследовала все доступные ей учебники, – денег на их покупку не имелось, и она часами просиживала с ними в уголке книжного магазина, продираясь сквозь новые термины и понятия. Чуть позже она выторговала у родителей Интернет и пустилась общаться на компьютерных форумах, тогда еще редких, но радушных и ценных своей помощью.

Спустя пару лет она уже могла дать фору в компьютерных познаниях не просто взрослым, но и тем якобы «специалистам», которые работали на техподдержке.

Потом, снова с барского плеча, ей перепал РС – «персональный компьютер»: так почему-то называются машины с операционной системой Windows, что совершенно нелогично: ведь «Макинтош» тоже Персональный! и Компьютер!

Как бы то ни было, к концу школы Рита не только стала асом в информатике, но и поняла, что это жизнь ее и любовь ее. Естественно, дорога ей после школы начертилась одна: в институт, где обучают профессии программиста.

Родители были против ее отъезда. Рита стояла на своем: лишь в Екатеринбурге, в этом большом и красивом городе, она сможет получить нужное образование!

В конечном итоге родители смирились. Предупредив, что содержать ее не смогут.

* * *

О, юность, о, самоуверенность! Тогда Рита только дернула плечиком, собрала небольшой чемодан и уехала. Поступила она с блеском, с первой же попытки, оставив далеко позади себя конкурентов. Но...

Сермяжная правда жизни праздник ей сильно подпортила. Попасть в общежитие не удалось: там селили блатных, за взятки. Нужно было где-то жить, – и как ни дешево снимала Рита конурку, а все же деньги на нее требовались. И хоть чуть-чуть, но питаться тоже надо было...

Родители денег не давали, – они же бедные, – значит, следовало зарабатывать самой. Она поработала уборщицей, официанткой в позднее вечернее время, – недосыпала, потом клевала

носом на лекциях... Пока не сообразила: можно зарабатывать *не выходя из дома: программированием!*

Это стало началом новой Риткиной жизни.

* * *

Начала она с маленьких заказов. Она могла в одиночку сделать небольшой сайт «под ключ», разработать и «движок», и веб-дизайн. Могла и программу по заказу создать – для небольшого склада, к примеру, для учета товаров, или интернет-каталог для художника, или вот для одного ИП, «индивидуального предпринимателя», имевшего тесно заставленный магазинчик сантехники, придумала удобную базу данных, позволявшую следить за передвижением кранов, крючков, вешалок, шлангов и прочих мелочей...

Деятельность сия приносила ей невероятное наслаждение. Каждый заказ был как интереснейшая задачка, и нахождение решения стало для Риты моментом истинного творчества, моментом озарения.

* * *

На третьем курсе она поняла: все же придется выбирать: либо работа, либо учеба. Бессонные ночи за выполнением заказов мешали учебе, – а учеба мешала работе.

И она выбрала работу. Знаний у нее и так выше крыши – самоучкой всего достигла; тогда как работа приносила деньги, позволяла жить.

Институт она бросила, не добравшись до диплома. И не жалела. Зачем ей диплом, когда ее авторитет уже столь высок, что от заказов почтовый ящик ломится? При чем работа ее не привязана к месту: она в Интернете, а Интернет есть везде!

* * *

Бросив институт, Рита вернулась в Нижний Тагил. Не слишком она любила город детства, да и семья у нее повышенной нежности не вызывала. Но все же, но все же... Три сестры и два брата, мама с папой (о том, что они неродные, Рита не думала и не вспоминала, этот вопрос ее совершенно не занимал: у них не семья была, а *коллектив*, – так какая разница?) и бабушка, – все они жили в Нижнем Тагиле и все страшно скучали по ней. Ведомая не столько сантиментами, сколько чувством долга, она вернулась. Не домой, конечно, – теперь у нее были доходы, на которые она вполне могла себе позволить снять скромную, но отдельную квартиру.

Налогов Рита тогда (как и теперь) не платила, деятельность свою не декларировала. Да и не представляла, надо ли: законами она не интересовалась, – Интернет воспринимался как сфера обособленная, заповедная, почти инопланетная, на которую обычные земные правила не распространяются. Время от времени, когда перепадал выгодный, щедро оплачиваемый заказ, она подкидывала деньги родителям и бабушке, да трем самым младшим сестрам, пребывающим в отрочестве, – на карманные расходы, на одежку приличную... По большому счету государство должно ей за это быть благодарно: оно же всяко причитает, что рождаемость низкая, что надо многодетным семьям помогать! Но помогало оно, государство, из рук вон плохо, – так что Рита, получается, выполняла его священную функцию. Какие уж тут налоги?! У бабушки пенсия в три тысячи, и вся на лекарства уходит! Мать не работает, семья живет на отцовскую учительскую зарплату, да плюс смехотворное пособие многодетным. Пусть даже двое старших детей после Риты уже учились в институте и подрабатывали, но младшие пока жили с родителями, и денег все равно отчаянно не хватало! Если бы не Риткина финансовая

помощь, так... Страшно и подумать, как бы они сводили концы с концами! Когда Рита была маленькая (а братья-сестры и того меньше), то им как-то еще удавалось перебиваться, – но с каждым годом становилось все хуже и хуже. Дети все старше, их потребности обходятся все дороже, слов высоких правительственных все больше, – а уровень жизни все ниже...

В общем, совесть по поводу неуплаты налогов Риту совершенно не мучила.

* * *

...И вот, здрасте вам, повестка в налоговую! В том, что за ней стояли происки Митьки, разъяренного ее отказом, она практически не сомневалась.

Словно для того, чтобы подтвердить ее догадку, Митя вскоре позвонил.

– До меня дошли сведения, Ритка, что тебя в налоговой хотят потребить?

Она не ответила.

– У тебя могут быть неприятности... По большому счету, ты должна зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель, – голос его был спокойным и доброжелательным. – Давай встретимся сегодня вечером... Поужинаем в... – он назвал дорогой ресторан в центре города, – и все обсудим. Я тебе подскажу, как избежать неприятностей, по старой дружбе!

Она все молчала, лихорадочно пытаясь понять, какое из двух зол меньшее.

Митя, ввиду ее молчания, решил приоткрыть карты побольше.

– К тому же ходят слухи, что ты взламываешь сайты по заказу, а, Маргаритка? Правду люди говорят?

– Лгут, – сухо ответила она.

* * *

...Между хакерами и «прогерами» (то есть программистами) пролегает жирная черта: первые пользуются готовыми программами, как воры отмычками, – вторые их создают. Вернее, «прогеры» создают разные программы, вполне легальные и общественно полезные, но, случается, пишут их и для хакеров.

Рита знала мир хакеров – некоторые ее друзья по институту этим делом баловались, другие на нем зарабатывали. Рита их не осуждала, – точнее, не всех. К примеру, кража денег со счетов ею квалифицировалось однозначно как воровство. То есть дело паскудное.

Но виды хакерства, поводы к нему были весьма разнообразны... А однажды у нее самой нашелся повод.

* * *

Дело обстояло так: на одном из компьютерных форумов, где Рита, когда не слишком была загружена работой, отвечала на вопросы «чайников», – род благотворительности, пожалуй, – она увидела вдруг объявление в разделе «Продаю». Продавалась же там ее собственная программа, которую она сделала год назад для склада! Рита мгновенно узнала ее по описанию, но все же, для проверки, принялась задавать продавцу вопросы под видом заинтересованного потенциального покупателя...

Убедилась: программа ее! Выходит, этот хмырь перепродает ее труд, зарабатывая на нем! Причем разрешения не спросил, делиться с автором не собирается!

Она написала ему письмо в «личный ящик». Объяснила, что программа была сделана для него лично и что он не имеет права ее перепродавать и класть деньги себе в карман. «Авторское право» называется, мол. Хмырь ответил: «Я вам заплатил за нее, чего еще надо?»

«Только я имею право продавать свою программу, а не вы! Вы – пользователь, а не автор!» – сделала Рита еще одну попытку.

Хмырь ответил матерно.

И Рита обратилась к приятелям-хакерам. После короткого курса обучения она взломала компьютер хмыря и завалила его вирусами. Теперь он долго не очухается! Все, что заработал на продаже ее программы, потратит на восстановление!

* * *

Потом случилась другая история: у ее бывшей сокурсницы Маши возникла проблема с мужем. Рита была на их свадьбе свидетельницей, и все у них так красиво выглядело: белое платье, венчание в церкви после загса, амур-тужур... Но не прошло и года, как новоиспеченный муж стал от жены нос воротить. Не спит с ней под разными предложениями, смурной стал, не приветливый...

«Рит, он любовницу завел, а, как ты думаешь?! – рыдала сокурсница у Риты на кухне. – А чем я ему плоха, не понимаю?! Все было так чудесно, и в постели тоже, – ну что, что могло случиться???»

Рита, с помощью хитрых программ, подключилась к компьютеру Машиного мужа и принялась наблюдать за тем, что происходит у него на экране. И вскоре все узнала: парень в Интернете шарил, наткнулся на сомнительном сайте знакомств на девицу, предлагавшую секс в духе садо-мазо через веб-камеру...

Понятно, в чем его проблемы с женой: после перченого нормальное кажется пресным.

– Маш, – произнесла она тогда немного смущенно, – твой Стасик острых ощущений ищет. У тебя с ним обычный, нормальный секс, как я понимаю, – но ему захотелось необычного...

Маша плакала и восклицала, и Рита с трудом ее успокоила:

– Ты просто реши, как тебе самой лучше. Или дай ему такой секс, который его по-настоящему заводит, или, если тебе претит, расставайтесь... Или, еще вариант, жди, пока он перебесится.

Маша требовала от Риты совета: какую опцию выбрать? – но Рита уклонилась. Это Маше решать, и только ей. А она сделала, что могла: поставила диагноз.

* * *

Некоторое время спустя Рита снова выступила в роли хакерши. Ее соседка, Вера Игнатьевна, осталась в шестьдесят четыре года вдовой и начала буквально хиреть на глазах. Видя подобное бедствие, Рита посоветовала ей по своему разумению:

– Теть Вер, давайте я вас обучу пользоваться Интернетом! Там столько интересных форумов, на которых вы сможете общаться! О кулинарии, о цветах, о кошках (у тети Веры имелись аж три!), о детях, внуках...

Рита нашла для соседки недорогой подержанный компьютер, терпеливо обучила ее азам, – и соседка вскоре расцвела: она обрела в виртуале не только собеседниц, но и подруг.

Однако же затесалась на форум одна гадюка, – такие всегда находятся, на всех без исключения форумах, – и принялась гнобить тетю Веру едкими и гадкими комментариями. И рецепты у Веры Игнатьевны плохие, и советы ее по уходу за фиалками не выдерживают никакой критики, и кошки ее облезлые...

Рита не выдержала. Хакнула счет (также называемый «аккаунт») вредины, отправила ей хорошенький пакет вирусов, чтоб неповадно было!

* * *

Она сболтнула о своих «подвигах» в интернет-сообществе, где тусовался разный айтишный народ: программисты, сис-админы, хакеры... Рита была известна там под псевдонимом «Кентавр». Только парочка самых близких и надежных приятелей знали, кто скрывается за ним. Она, в целях конспирации, даже писать старалась так, чтобы все думали, что Кентавр – мужчина...

И вдруг, после ее неосторожных откровений посыпались предложения «хакнуть» то да се. Деньги предлагали, причем весьма неплохие! «Кентавр» уже зарекомендовал себя как грамотный программист – к нему не только клиенты обращались, но коллеги по цеху – за советом, за помощью... А тут вдруг оказалось, что «Кентавр» и хакерской деятельности не чурается!

Заказы повалились как из рога изобилия. Рита выбирала придирчиво: такие, где нет воровства, где вроде как ради справедливости или помощи...

Однако она понимала, что с собой лукавила: ее ведь могли обмануть! Человек расписывал, к примеру, слюнявую личную драму с просьбой отследить компьютер неверной жены или неверного мужа, или переписку бандитов, собирающихся наехать на его бизнес... – да только это ВИРТУАЛ! Кто даст гарантии, что к ней обращается жертва бандитов, а не сами бандиты?

Хакерствовать было куда проще, чем писать программы, а платили за это хорошо. Меньше, чем за работу «прогера», – так ведь и работа была несложной! На создание программы или сайта уходили многие недели, тогда как «хакнуть» чей-то компьютер или почтовый ящик можно было за одну ночь!

И Рита, несмотря на уколы подозрений, соглашалась. У нее же на руках и бабушка, и родители, и братья-сестры...

Кроме того, деятельность сия – незаконная, понятно, придавала остроту ощущениям... Это был, что называется «драйв». Что ей тоже нравилось, в конечном итоге. Рита уже несколько лет жила затворницей, погрузившись в виртуал, – она ела у компьютера, даже иногда спала перед ним, опустив голову на сложенные руки... Она так устала от своей большой семьи, что была счастлива, оказавшись в одиночестве. Она с детства *переобщалась* – и теперь наслаждалась отсутствием общения.

Точнее, его отсутствием в реале. Виртуал же был ненавязчивым уже хотя бы потому, что анонимным. Говорили только о деле, программистском или хакерском. Так Рита лечила свою уставшую с раннего детства душу.

Более того... Дважды за эти годы у нее возникали отношения с мужчинами – и оба раза они «разбились о быт»: при мысли о том, что нужно будет жить с кем-то в одной квартире, Риту охватывала неподдельная паника. И она сводила отношения на нет раньше, чем вставал вопрос о том, чтобы пожениться и съехаться...

Однако ненавязчивость виртуального общения имела обратную сторону: бедность эмоциями и ощущениями. Что до некоторой степени и восполнило чувство риска, которое Рита получала от хакерских заказов.

* * *

...Облом случился позже. Как ни старалась Рита отсеивать праведное от неправедного, как ни хотелось ей выступать исключительно в роли Робина Гуда, но, шаг за шагом, она обнаружила мир настоящей киберпреступности. Слово «кибер» можно опустить, но слово «преступность» оставалось, причем без малейшего налета романтики. Кража денег, хищение данных с целью их выгодно продать, шантаж... Перед ней неожиданно обнажился подпольный виртуальный мир. Криминальный, злой, бандитский.

Он ей претил, и пару месяцев назад Рита окончательно покинула эти сайты и эту сферу деятельности, с концами.

Остался опыт.

И еще чувство омерзения.

* * *

Как же об этом узнал Митя?!

...Когда она вернулась домой, в Нижний Тагил, то начала тусоваться на местном форуме программистов, – куда, естественно, прибились и хакеры: им без «прогеров» никак!

Иногда избранные участники форума собирались в реале, в одном из городских кафе, строго соблюдая конспирацию. Новеньких не жаловали, пропускали их через драконовские проверки... Невозможно поверить, что к ним сумел затесаться лазутчик!

Так кто же мог болтнуть Мите, что Рита занималась какое-то время хакерской деятельностью?! За их группой следили? Или кого-то из ее членов подкупили?

Скорее всего и то, и другое: чтобы подкупить, надо было знать, кого именно... Выходит, следили!

Или Митя просто блефует?!

Как бы то ни было, Рита признаваться не намеревалась.

* * *

– ...Лгут, говоришь? Может, и лгут, – покладисто согласился Митя. – Но только, видишь ли, Маргаритка, за хакерство уже не налоговая, за это уже статья полагается, уголовная. Надо тебе срочно юридически подковаться в этих вопросах. Так что приходи сегодня, Маргаритка, я тебе все объясню!

Его интонация казалась столь дружески-нейтральной, что Рита чуть было не поверила... Но вовремя спохватилась: Митя отнюдь не из тех людей, которые оказывают помощь бескорыстно.

– Хорошо, Мить, приду... Спасибо тебе! Ты настоящий друг! – она скрестила пальцы, потому что врала.

Если она поедет сегодня с ним ужинать, то ей уже не отвертеться. Она окажется у него в постели, и центнерная туша хряка будет вдавливать ее в матрац...

– Повтори адрес ресторана, Мить!

Он послушно повторил. Кажется, поверил.

* * *

Рита отлично понимала, что Мите не наскрести доказательств по поводу ее хакерской деятельности: для этого понадобились бы крутые спецы, а таковые вряд ли имелись в РУВД. Но она кожей чувствовала: Мите доказательства – настоящие, реальные! – по фигу. Он придумает все, что ему будет угодно, и запротоколирует, и обвинение предъявит! На основе фиктивных фактов, да, – но обвинение отнюдь не фиктивное...

Она собралась в рекордные сроки. Закинула в дорожную сумку самые необходимые вещи, отправила все ценные файлы в «облачный» Интернет, мимоходом пожалев, что нельзя самой укрыться в «облаках» от преследований Мити, и покинула квартиру. С сумкой и ноутбуком – хоть и неудобно, но возвращаться домой она больше не намеревалась.

Схватила такси, съездила в три банка, где у нее были открыты счета, сняла все деньги, какие дали (она ведь не заказала их заранее...): как знать, вдруг Митя станет отслеживать ее банковские карточки! Возьмет она потом, допустим, наличные в каком-то банкомате, а Мите тут же и доложат, в каком именно! Он ведь ВЛАСТЬ – он все может, сам сказал!

Закончив дела, рванула на вокзал. Куда ехать, она толком не знала. Лучше бы в Москву: огромный город, затеряться в нем легче. Но можно для начала и в Екатеринбург. Конечно, Мите будет сподручнее ее найти в области, но из Екатеринбурга, если что, и в Москву проще уехать!..

* * *

В кассе билетов на Москву не оказалось.

Рита уж было собралась просить билеты в Екатеринбург... Как вдруг сообразила: вложила в паспорт пару купюр. И сразу выяснилось благодаря их магическому действию, билеты на Москву есть и в купейный, и даже в мягкий вагон фирменного и единственного поезда в столицу – «Малахит».

Рита выбрала СВ. Меньше народу, больше кислороду.

До отхода поезда было еще полчаса. «Только бы он не догадался, только бы меня не нашел...» – молила она судьбу. В это время она уже должна была входить в ресторан, где ждал ее хряк...

* * *

Все, кажется, обошлось. Поезд тронулся, набрал скорость. Рита предполагала, что Митя будет трезвонить ей на сотовый, и решила обязательно ответить: сослаться на недомогание, выслушать его угрозы... – лишь бы не заподозрил ее в побеге!

Но он почему-то не звонил. Через два часа Рита выключила телефон: время, в которое он мог ее ждать в ресторане, давно истекло. И Митя искать ее не стал, интересоваться, что случилась, не захотел... От этого ей сделалось не по себе. Он не удостоил ее выяснением отношений, – значит, в ярости; значит, уже никаким отговоркам не поверит... Значит, готовит месть.

Оставалось только надеяться, что в Москве ей удастся затеряться, и Митя ее не найдет.

Никогда!

* * *

Некоторое время Рита смотрела в окно, где пурга нанизывала на свои узкие копыта черное, податливое тело ночи. Где-то в вагоне отдаленно и слабо плакал ребенок, а Рите казалось, что это за окном, там, в черно-белом холоде, плачет, замерзая, котенок, вышвырнутый безжалостной рукой из теплого уютного дома...

Не котенок, нет. Ее душа. Это она скулила, выброшенная за дверь привычной жизни, от страха и одиночества...

Захотелось резко опустить штору на окне, но вместо этого Рита подобрала колени, обхватила их руками, уперлась в них подбородком и заставила себя смотреть в неприветливое окно, прогоняя страхи. Пурга, говорила она себе, ночь, – ну и что такого, подумаешь! Ничего особенного, бывает! И никакого котенка за окном нет, это в вагоне плачет ребенок, вовсе не твоя душа; ты едешь в незнакомый город, где тебя ждет неизвестность, – вот ты и дрейфишь, подруга! А чего испугалась? Город, даже очень большой, это всего лишь город! Не лес, не тайга, – место, где живет много людей! Они живут, и ты будешь жить. Деньги у тебя есть, а

работа всегда при тебе, был бы комп и Интернет! И теплый угол, разумеется, – ведь сдаются же в Москве квартиры, верно?

Рассудив таким здравым образом, Рита оторвалась от созерцания окна: ей требовалось повернуть одно небольшое дельце. В купе СВ она оказалась одна, чему неизменно радовалась, – хотя на следующих станциях кто-то может и подселиться, конечно... Однако сейчас ей был необходим какой-нибудь человек! Все равно какой – лишь бы с телефоном! Свой она отключила, даже батарейку из него вытащила, – не хватало еще, чтобы Митя вычислил ее местонахождение по мобильному! В Москве же она, как только приедет, сим-карту сменит...

* * *

Рита вышла в коридор и встала у окна. Расчет оказался верным: не прошло и десяти минут, как возле ее плеча нарисовался мужчина. Слово за слово, и через пятнадцать минут Рита приняла предложение поужинать в вагоне-ресторане, поставив условие, что она платит за себя сама, – чтоб лишнего не подумал, козел командировочный.

После ужина он предложил выпить коньячку в его купе. Она согласилась без боязни: с одной стороны, регулярные занятия в спортзале, необходимые при ее сидячем образе жизни, сделали ее тело мускулистым и сильным, а с другой стороны, мужичок не наглый, дальше заигрываний не пойдет, руки распускать не станет, Рита чувствовала.

Очень скоро он усвоил, что ничего, кроме компании в деле распивания коньячка, от Риты ему не обломится, отчего с печалью и усердием посвятил себя вышеозначенному занятию. И через полчаса он уже клевал носом в столик.

Его мобильный лежал тут же, у окошка. Тихо покинув купе, Рита вышла в коридор. Номер своей давней подруги Нины она заранее выписала на листок и сейчас, сверяясь с ним, быстро пробежала пальцами по кнопкам чужого телефона.

Нина вышла замуж за москвича и вот уже пять лет живет в столице. С подругой Рита давно не общалась, по правде сказать, – расстояния разводят не только в пространстве, но и в отношениях... Но это была единственная зацепка, единственный спасательный круг в ее тонущей лодке.

– Да-а-а?

Ей ответил нетрезвый мужской голос. Она напрягла память: кажется, мужа Нины звали Витей. По фамилии Машеев, коль скоро подруга стала Машеевой после свадьбы.

– Витя?

– Я-а-а...

– Это Рита Просвинова, помнишь меня?

На свадьбе Нины гуляли вместе, – может и вспомнит...

– А как же шь! Ритка-М-м-маргаритка...

Она бы предпочла говорить о деле с подругой, но решила, что в обход ее мужа будет неправильно: неизвестно, как там у них сложилось, кто принимает решения... Поэтому она сочла разумным изложить пьяному Вите суть дела:

– Мне нужно срочно выехать в Москву. Могу я у вас с Ниной переночевать одну-две ночи? Потом я найду что-то другое... Только чуть освоюсь в столице!

– Валяй...

– А Нина дома?

– Мы с ней разве... лись... Ты не знаешь?

– О, господи... нет!

– Не бойсь, я тебя встречу на вокзале и, это, поночую... Нет, как это... переночуешь... Рит, я тут малость с друзьями выпил... Ты не смотри строго. Я тебя встречу! Ты когда приб... бываешь?

- Вить, а Нина где?
- Кто-о-о?
- Да Нина, жена твоя...
- Бывшая! Я это имя за... забыл!
- Номер телефона ее можешь дать?
- Она, драг-г-гоце...нная Рита, в Америку улетела. Там ейный номер мне не...и-и-изве-стен. Да ты не дрейфь, все в лучшем виде... будет! Куда за тобой ехать?
- Не надо, поезд прибывает в жуткую рань... Просто дай адрес, я возьму такси.
- Не, ты чего! Всс...встречу тебя... Где, когда?
- Деваться некуда, Рита продиктовала:
- Завтра в пять пятнадцать утра... На Ярославский вокзал, поезд номер... Пишешь?
- Ага-а-а... В общем, встречу, не бес...покойсся.

* * *

Рита стерла номер Вити в исходящих чужого телефона, на цыпочках вернулась в купе пьяного попутчика, имя которого она так и не запомнила, положила мобильный на место и вновь вышла, защелкнув за собой дверь. Умылась, почистила зубы и растянулась на полке, размышляя.

Ехать к пьяному бывшему мужу подружки ей совсем не хотелось – не ровен час, придется и от него отбиваться! – но в гостиницу она пойти не могла. Там паспорт нужно предъявлять, а Митька в системе МВД работает, ему небось и пяти минут хватит, чтобы пробить ее местонахождение... А что там еще есть, в незнакомой ей Москве, – как еще можно устроиться? Должны же там квартиры и комнаты сдаваться, как везде?

Она не имела ни малейшего представления. «Москва» или «Рио-де-Жанейро» – для нее звучало одинаково чуждо и непонятно. Одна радость, в Москве говорят на родном языке, в отличие от Рио.

Ладно, как-нибудь она одну-две ночи перебьется у Вити. А за это время найдет какую-нибудь съемную комнатушку. Она непривередлива: в конце концов ее дом там, где есть компьютер и Интернет, – а остальное приложится! Она давно привыкла довольствоваться малым. Несмотря на приличные заработки, она жила крайне скромно, много не тратила – не только из осторожности, чтобы не привлекать внимание к себе, но и потому, что никаких отношений ни с кем заводить не хотела, никому понравиться не старалась, на шмотки и косметику не разорялась. Ей было вполне уютно в созданном ею коконе виртуальной жизни.

Так что все это не проблема, все это ерунда, бодрилась Рита...

Но на душе было странно, тревожно.

Нет, не в Митьке дело: Рита от него уже сбежала!

И не в одиночестве, отнюдь нет: она не только к нему привыкла – она ему радовалась!

Но почему-то сейчас, лежа в темном купе и глядя на мелькающие по нему тени от редких фонарей, Рита подумала, что жила она все это время будто *отложено* – будто в ожидании, когда начнется другая жизнь, настоящая... Но что такое *настоящая*? Любовь? Замужество, дети?

Нет, это не то, ей это не нужно – по крайней мере, не сейчас!

А что же? Карьерный успех ее в любом случае не ждал: в виртуальном деле карьеры не бывает... Только разве авторитет – а он у нее уже и так имелся...

Нет! Авторитет был у «Кентавра» – у ее аватара, ника, псевдонима! Виртуальный авторитет виртуального существа... А где же она, Рита, во всем этом, где?!

Растрепанная мыслями, которые до сих пор ее не посещали, она поднялась, включила свет и опустила, наконец, штору на окне. Лишь сейчас она осознала, что уехала из родного

города надолго... Быть может, и навсегда... Митя отрезал ей пути назад. И теперь что-то новое начнется в ее жизни!

Другое.

Она вздрогнула, словно от резкого дуновения ветра. Это Будущее дохнуло ей в лицо, Рита чувствовала. И мурашки побежали по ее телу от предвкушения...

Или от страха?

Глупости какие, при чем тут страх? Она просто отвыкла от жизни, от реала, – но, похоже, пришла ей пора с виртуалом расставаться...

Кто, собственно, сказал, что ее ничего не ждет? Она заработает еще денег и откроет свое дело! Идей у нее навалом, знаний тоже, – она и матерым интернет-компаниям могла бы дать кое-какие советы, между прочим! Но зачем раздавать советы, когда можно открыть собственный бизнес? Например...

Рита начала перебирать свои идеи, все более вдохновляясь.

Поезд пробивался железной грудью через пургу, высвечивая фарами едва угадывающиеся под снегом рельсы, колеса стучали, вагон мерно покачивался, и в конце концов Риту сморил сон.

Среда. Александра. Москва

Пурга упала на Москву к вечеру в среду, как и обещали синоптики. Город будто накрыло маскировочным белым плащом, под которым тротуары слились с крышами, стали неразличимы машины и люди. Улицы стремительно пустели – злой колючий снежный ветер изгонял все живое, чтобы всласть наплясаться на просторе.

Александра Касьянова, выйдя из здания редакции, поспешила к своей машине, запахнув поплотнее полы шубы. Сегодня ночевать она поедет наконец домой: все намеченные встречи закончила, материала набралось немало, вполне хватит для статьи. Из-за них, этих встреч, она вот уж неделю не ночует дома, а остается в своей старой квартире на проспекте Мира, у Садового кольца. Встречи у нее поздние, и ехать домой – аж за ВВЦ! – по скользким ночным дорогам, где того и гляди возникнет пробка из-за очередного ДТП, просто неразумно.

Она соскучилась по мужу, детям. Вроде никуда не уезжала из Москвы, а получилась в своем роде командировка. Да и Алеша, муж, стал немного нервничать... Не то чтоб он ее ревновал – он вообще не ревнив, да и причин нет: у нее просто серия интервью! Не совсем, правда, обычных...

Вот сейчас она лишь заедет на проспект Мира, заберет кое-что и сразу к ним. *Домой!*

* * *

...Но не вышло.

Неожиданно прорезался тот, самый первый ее контакт, который не смог с ней встретиться неделю назад, но обещал перезвонить, как только окажется свободен.

Вот, перезвонил. Сегодня он может. И Александра не удержалась от соблазна еще одной встречи. Вопросы-то у нее были ко всем одинаковые, да ответы разные. И этот, как знать, вдруг скажет что-то такое, чего она пока не слышала?

– Алеш, прости, планы изменились... Еще одно интервью проклюнулось на сегодня.

Она хотела сказать: ты же знаешь, как было нелегко уговорить их на беседы, сколько раз некоторые соглашались, но потом давали отбой, – и теперь я не хочу потерять возможность копнуть тему поглубже!

Хотела. Но не сказала. Получилось бы, что она оправдывается. А оправдываться ей решительно не в чем! Она статью пишет, как всегда! Ну и что с того, что о мужской проституции? Ничего особенного, обычная статья.

– Конечно, Саш. Вернешься к себе – позвони.

Она обещала. Звонила она при этом всегда с мобильного: на старой квартире она давно перестала оплачивать телефон за ненадобностью, – и, по большому счету, муж не мог знать, дома она или нет... Но он никогда ее не ревновал, не подозревал. Он только хотел удостовериться, что с ней все в порядке.

Алеша этой новости не обрадовался, она прекрасно уловила нотку недовольства... или, помягче, огорчения в его голосе. Ну что делать, родной, ты же знаешь, работа у меня такая... как и у тебя, к слову: ты тоже среди ночи можешь вскочить по звонку и помчаться сломя голову!

Всего этого Александра тоже не произнесла.

– Обязательно. Целую.

* * *

Может, оттого, что она уже размышляла об уютном вечере дома, с семьей, сегодня город показался ей особенно темным и неприветливым. Всего-то девять часов, летом в это время еще солнце сияет вовсю, – а зимой жизнь укорачивается вместе со световым днем, и хочется поскорее попасть туда, где свет и тепло... Пурга безжалостно швырялась снегом, видимость на дороге была опасно низкой. Может, отказаться?

Нет, нельзя. Непрофессионально отказываться от информации, когда есть шанс, пусть даже невеликий, что она окажется новой! Утешало лишь то, что это уж точно последняя встреча.

Приткнув машину в переулке, Александра направилась к одному из многочисленных сетевых кафе на Пушкинской площади. Она сознательно избегала дорогих заведений: у нее не досужее свидание – у нее работа!

Пригибая голову, накинув капюшон шубки пониже, чтобы колкие ледяные крупинки не секли лицо, она прошла метров двести, пока не открыла спасительную дверь.

Симпатичный русский парень привстал с красного кожаного диванчика, увидев ее у входа, – надо думать, нашел в Интернете сведения об известной журналистке Касьяновой, включая ее фотографию...

– Спасибо, что согласился на встречу, Александр! – протянула она руку.

– Зовите меня Сашей, – молодой человек галантно поцеловал ее пальцы. – А то вы Александра, я Александр... Запутаемся!

* * *

...Тогда, когда она позвонила ему первый раз и представилась: «Александра Касьянова, журналистка», – она его явно разбудила. Время было позднее, но на сайте в объявлении об «услугах женщинам» значилось: «звонить круглосуточно», потому она и рискнула.

А он спал. Ответил сонным голосом. Поняв, что она не клиентка, произнес: «Сашенька, я тебе позвоню потом, когда время будет... а сейчас давай спать, а?»

Александра немножко обалдела от столь фамильярного обращения, но кочевряжиться не стала, ответила просто: «Ты только не забудь!»

Оказывается, он не забыл. И вот теперь она усаживалась на красный диванчик напротив него. Парнишка выглядел немного смущенным.

– Мы вроде как начали на «ты», – съехидничала она.

Наверняка его «ты» по телефону – это отработанный способ общения с клиентками, для создания непринужденности. Но теперь, в кафе, когда до него окончательно дошло, что перед ним журналистка, а не клиентка, он смутился и перешел на «вы» как воспитанный человек.

– Если вы хотите...

– Не усложняй. Раз начали на «ты», то давай продолжать.

Он был чертовски хорош собой, со своими светлыми кудрями, карими глазами, ямочкой на левой щеке. Чисто купидон! И юный, слишком юный...

– Тебе сколько лет?

– Двадцать два.

Да, именно этот возраст указан на его сайте, но Саша на двадцать два не выглядел.

– Надеюсь, что ты хотя бы совершеннолетний, – усмехнулась Александра.

– Вам паспорт показать? – возмутился он.

– «Тебе».

– Мне неловко вас так...

– А тогда, когда я позвонила, было ловко? – рассмеялась Александра.

– Ну, я не подумал...

– Вот будет тебе наука!

– Ну ладно... Прочутили...

Он зарделся. Ему удивительно шло смущение, и Александра представила, как, должно быть, тают клиентки при виде этого херувимчика, да еще столь непосредственного.

– Хорошо, Саша, – произнесла она, на этот раз серьезно: пора бы и к делу приступить. – Спасибо, что ты все же нашел время со мной встретиться!

– Ну что вы... ты, не за что! Внимание журналистки всегда лестно... по крайней мере, таким людям, как я... Маргиналам. А уж когда журналистка является красивой женщиной, то приятно вдвойне!

Молодец, мальчик, умеет ввернуть комплимент!

– А тебе разве не все равно, насколько красива женщина, с которой ты имеешь дело?

– Конечно, нет! Я ведь мужчина, а мужчина к красоте неравнодушен...

Слово «мужчина» ему не шло: слишком юн Саша был. Но, в конце концов, он прав: в реакции на красивых женщин все они – *мужчины*. От пяти до девяноста пяти лет.

– Но ведь твоя профессия предполагает... Саша, я предпочитаю называть вещи своими именами... Не возражаешь?

– Да ради бога!

– Отлично. Итак, твоя профессия предполагает определенную нетребовательность... Невозможно оказывать сексуальные услуги женщинам, если ты начнешь рассматривать, насколько они красивы! Мужчина, по сравнению с женщиной, должен... э-э-э... завести свой моторчик. Женщина-проститутка может симулировать удовольствие от секса, но мужчина-про...

Она запнулась.

– *Проститут*. Вы ведь собирались называть вещи своими именами! – засмеялся Саша.

* * *

...Тема мужской проституции заинтересовала Александру Касьянову не сразу: хотя само явление существовало относительно давно, она знала, – но лишь в последние годы оно приняло существенный размах.

Как известно, любой бизнес развивается только потому и тогда, когда у него прирастает клиентура. И бизнес мужской проституции явно шел в гору. Значит, все больше женщин обращаются к услугам мужчин-проститутков!

Пройти мимо такого явления журналистка не могла. Оно свидетельствовало о многом. Об одиночестве преуспевающих женщин, об их нежелании напрягаться в поисках своей «половинки», создавать семью, растить детей...

Кроме того, в этом явлении имелся еще один весьма и весьма интересный аспект: женщины стали вести себя так, как вели себя раньше мужчины. Абсолютно по той же схеме! Богатые, успешные, занятые по горло бизнесом, они выбирали платную любовь (точнее секс) без отношений, без последствий, без ревности партнера, без вопросов «куда пошла?».

Веками считалось, что свободное отношение к сексу обуславливают гендерные различия – тестостерон и вытекающие из него особенности поведения мужчин, – однако с ростом класса «деловых женщин» оказалось, что ничего «гендерного» тут нет! Покупка секса за деньги обусловлена образом жизни, а вовсе не полом!

Подобные открытия стоили статьи, и Александра принялась собирать материал.

* * *

...На тему она попала случайно. Искала на слова «няня по вызову», для своих малышей, потому что их постоянная няня заболела, – а тут вдруг поисковик подсунул ей «мужчин по вызову». Она заглянула. Сначала на тот сайт, куда вела ссылка, затем, ведомая любопытством, нашла еще ряд других. Вот тут-то она и поразились: это не какие-то маргинальные объявления – это уже процветающий бизнес!

Владея французским и английским, она покопалась еще и на иностранных сайтах и с немалым удивлением обнаружила, что за границей явление мужской проституции имеет примерно тот же возраст и ту же тенденцию к росту, что и в России.

И тогда Александра задумала провести журналистское исследование – с тем, чтобы по его результатам написать большую аналитическую статью об изменениях в менталитете, статусе, в устоявшихся ролевых функциях двух полов. Мужская проституция в ее современных масштабах была явлением совершенно новым и говорила о том, что прямо сейчас, на наших глазах происходят глубинные тектонические изменения в обществе! И она намеревалась эти тектонические подвижки осмыслить... После того, конечно, как соберет конкретный материал, – то есть лично пообщается с проститутками.

* * *

Первым ее собеседником стал некий Вадим – самовлюбленный тип двадцати шести лет, убежденный, что мир крутится вокруг его пениса. Похоже, парню никогда не приходило в голову, что предмет его гордости является всего-навсего приспособлением для массажа некоторых чувствительных зон, и, как бы хорошо это приспособление ни было сработано, претендовать на сколько-нибудь значимую роль в мировом масштабе оно никак не может. К своим клиенткам Вадим относился с неприкрытым презрением и поражался, отчего на него, такого красавчика, спрос маленький, – чем с агрессивным простодушием поделился с журналисткой. На ее замечание, что в сфере обслуживания, – а он, как ни крути, принадлежал к этой сфере, хоть и весьма специфической ее нише, – клиента надо любить и уважать, Вадим вскинулся, оскорбленный до глубины души.

Александра в спор с ним вступать не стала: парень был явно неумен, отношения с женщинами измерял сантиметрами собственного члена, и беседовать с ним о человеческом аспекте отношений, даже в простейших рамках бизнеса, где клиент всегда прав, – смысла явно не имело.

Затем была еще одна попытка – Владимир, качок, не вылезающий из спортзалов и убежденный, что несколько килограммов мышц правят умами. Ничего общего с Вадимом, на первый взгляд: клиенток он не презирал... но ждал от них восхищения красотой его накачанного тела. А женщины, как понимала суть проблемы Александра, искали в наемном сексе совершенно другое! Они платили не за то, чтобы восхищаться, а за то, чтобы восхищались ими. Чтобы почувствовать себя желанными, привлекательными...

* * *

Еще несколько встреч. Всегда вечерами, потому что практически все эти «секс-мальчики» днем работали или учились, а по ночам принимали клиенток, когда таковые откликнулись на их объявления. Вот еще один нюанс, который обязательно нужно учесть в статье: женщины-проститутки, как правило, не пытаются сделать карьеру (кроме панельной, понятно),

тогда как мужчины относились к этой деятельности исключительно как к приработку, заодно и приятному.

Палитра характеров и возрастов была весьма разнообразной. Пятидесятичетырехлетний Евгений, женатый мужик, который, помимо желания подработать, пытался в такого рода отношениях телесной купли-продажи оживить сошедший на нет секс с законной супругой; тридцатидвухлетний Георгий, для которого частый секс был физиологической потребностью, и, не имея ни жены, ни постоянной подруги, решил на этом заодно заработать. Разумеется, Александра встречалась с каждым по отдельности, но эти двое, не стовариваясь, чуть ли не слово в слово поделились с журналисткой удивительным открытием: удовлетворять свои сексуальные потребности стало значительно проще, когда они заделались проститутками. Раньше приходилось за женщинами ухаживать, водить их в рестораны и уламывать (а заканчивалось данное мероприятие нередко тем, что на мужском языке называется «динамо»); теперь же партнерш по сексу уговаривать не приходилось: сами приходили, да еще и деньги платили! Чем не жизнь, а?

Для Александры это явление не представляло загадки: раньше эти двое делали вид, что ухаживают, имея в виду только постель, – и женщины, которых подобный «постельный» итог отношений не устраивал, ускользали в последний момент – иначе говоря, «динамили». Теперь же посыл этих мужчин стал предельно простым и честным: *предлагаю секс*. И на него откликались те, которым был нужен именно он, а не «отношения»... Как говорят маркетологи, произошла смена целевой аудитории!

* * *

За последнюю неделю у Александры было девять встреч с проститутками – и все они оказались разными как по характеру, так и по причинам, которые привели их к этому виду приработка. Точнее, основная причина-то была одна: деньги. Но не каждый возьмется их зарабатывать подобным образом, и пути, которыми эти мужчины пришли к столь немужской профессии, были у каждого свои.

И вот теперь Саша.

Легкий, улыбчивый, смешливый. Расскажет ли он что-то новое Александре?

– Но мужчина-проститут, чтобы обслужить клиентку, должен... – продолжила она, – у него должно... пардон, встать на нее! Вот тут я, признаюсь, теряюсь. Как ты делаешь: принимаешь виагру? Или ты выбираешь своих клиенток? До тебя я побеседовала с несколькими мужчинами, которые подрабатывают подобным образом... Иные выбирают. Но потом сидят без клиенток!

...Это было правдой лишь отчасти. Да, тот первый, Вадим, меряющий мир линейкой своего пениса, отпугивал клиенток агрессивной примитивностью, и они никогда не возвращались к нему. Но случалось и иначе. Как поведал ей некий Константин, довольно красивый и харизматичный парень двадцати девяти лет, он не просто придирчиво выбирал женщин, но и пользовался в определенном кругу клиенток бешеной популярностью. Прежде чем решить вопрос о сексуальных услугах, Константин назначал дамам встречу в дорогих кафе (за их счет, разумеется), где проводил вечер в непринужденной беседе, а в конце сообщал, согласен ли продолжить встречу с дамой уже у себя на квартире или нет. Отказ с его стороны всегда очень обижал клиенток, но, как ни странно, постепенно Константин приобрел своеобразный авторитет. Женщины шли к нему, чтобы получить «зачет» – или обидный «незачет», но все же рисковали, надеясь на положительную оценку «экзаменатора». Зато прошедшие испытание затем страшно гордились, словно выиграли конкурс красоты...

Оказывается, бывает еще и так, – поразила тогда Александра. Каковы же глубины неуверенности в себе этих богатых, преуспевающих женщин (учитывая стоимость услуг «про-

ституттов», клиентки могли быть только очень обеспеченными!), если они шли на подобное унижение!

Александр Константинович крайне не понравился, равно как и его методы. И рассказывать Саше о том, как ловко можно заработать на унижении безмозглых баб, она не хотела.

– Женщинам, понятно, не нравится, когда их отвергают, – продолжала она.

– Я не выбираю. Я люблю женщин, и они мне всегда нравятся. За очень небольшим исключением.

– Каким? Возраст? Фигура?

– Ни то, ни другое. У меня есть клиентка, которой шестьдесят два, классная тетка...

Умная, с юмором... У меня есть две толстушки – настоящие, в смысле *очень* толстые...

– И тебе это не мешает?

– Ничуть. Они очень обаятельные.

– А что может помешать?

– Запах. Я очень чувствителен к запахам.

– Вопрос гигиены?

– В первую очередь. Иной раз приедешь по вызову, а от женщины воняет невымытым телом... Я точно знаю, что не смогу с ней.

– И как ты выкручиваешься?

– Вру, Александра... – Саша покраснел. – Говорю, что живот прихватило... и что не могу...

– А у себя ты принимаешь?

– Да. По желанию клиентки.

– И что ты говоришь, когда тебя смущает запах?

– То же самое...

Александра засмеялась:

– И тебе верят?

– А что им остается, – вздохнул Саша.

– Плакали денежки, выходит?

– Что я могу сделать? Не стоит у меня на нечистоплотных...

Александра сочувственно кивнула.

– Я сделаю несколько пометок в блокноте, тебя не смутит?

– Нет.

Она набросала несколько строчек и подняла голову.

– И часто такие встречаются?

– Редко, к счастью...

– Как ты думаешь, такие женщины пренебрегают гигиеной вообще – или это знак пренебрежения к тебе? Я тебя не обидела?

– Нет, конечно! Мы же договорились называть вещи своими именами...

– Спасибо. Я имею в виду вот что: возможно, это к тебе такое отношение, – мол, я плачу деньги, парень все стерпит?

– Никогда не задумывался... Но, Александра, ведь чистоплотный человек всегда поможет перед тем, как лечь в постель! Я даже не говорю – заняться сексом! И потом, хоть я им и никто, платный любовник, но обычно клиентки стараются красиво одеться, понравиться, даже кокетничают немножко...

Да, об этом Александра слышала практически от всех проститутов. Так что Саша прав: это всего лишь вопрос гигиенических навыков.

– А если женщина пьяна? Такое случается?

– Что назвать словом «пьяна»? Бывало такое, что ко мне заваливается женщина, а то и парочка – подружки, после корпоративной вечеринки, уже прилично набравшиеся... Но это

редко. Многие женщины просто пьют рюмку-другую, для храбрости. И я сам предлагаю, когда принимаю у себя. Они ведь обычно ужасно стесняются... Женщины очень не уверены в себе, вы знаете? Даже красивая дамочка, упакованная, ухоженная, – она, бедняжка, комплексует перед нашей встречей! Вы никогда не задумывались, Александра, чем отличаются мужчины от женщин?

Она удивилась, подняла вопросительно брови. Мужчины от женщин весьма многим отличаются, список длинный. Удастся ли Саше его дополнить?

– Тем, что мужчине свойствен определенный пофигизм по поводу своей внешности. У меня есть подружка, Маринка, проститутка. Она мне часто рассказывала: вваливается к ней жирный, вонючий – помыться даже не подумал! Ему такое просто не приходит в голову, ему не стыдно, потому что он не подозревает, что быть вонючим стыдно!

«Быть вонючим стыдно», записала Александра. Ей понравилась то, как Саша мысль сформулировал и, главное, подкрепил конкретным примером.

– А с клиентками-женщинами все иначе, – продолжал он, – за редким исключением. Приходят ко мне на свидание, как к любимому: во всей красе! Тщательный макияж, продуманная одежда, белье... свеженькие, чистенькие, благоухающие! Честно скажу: когда я слушаю свою подружку, то каждый раз думаю, что мне повезло – женщины в качестве клиенток куда лучше мужчин! Они ведь из таких сфер, где требуется за собой очень следить! Деньги у них на это есть – спортзалы, косметологи, пластическая хирургия... Так что у меня «с моторчиком» обычно проблем не возникает. И потом, когда я вижу, как моя клиентка стесняется, как она напряжена, – вот вроде отважилась, вся такая из себя бизнес-леди, – а на самом деле трепещет... У меня это вызывает сочувствие к ней... и желание! Так что до сих пор к виагре обращаться не приходилось! – засмеялся он.

– Прямо уж так все трепещут? Ты не приукрашиваешь, случаем? Трепетные дамы вряд ли выживают в бизнесе!

– Так у меня ведь с ними не бизнес! – усмехнулся он. – Они со мной *женщинами* становятся... – Саша произнес это не без гордости. – Но бывает, конечно, иначе. Некоторые набрасываются на меня, словно голодные. Только я не уверен, голод ли действительно за этим стоит или что-то другое... Что-то вроде желания реабилитации в собственных глазах.

– Не поняла...

– Ну как если бы кто-то ее упрекал в холодности, и она пришла ко мне лишь затем, чтобы самой себе доказать, что она вовсе не холодная, а очень даже темпераментная. Понимаешь, мне женщины несут свои комплексы... И не всегда сразу можно догадаться, что ими на самом деле руководит!

– Иными словами, твоим клиенткам нужен не только секс. Не удивительно: даже мужчины ищут у проституток не только секс, а уж сильный пол в этом плане попроще слабого...

– Примитивнее, вы хотели сказать? – усмехнулся Саша.

– Будешь защищать соплеменников?

– Не буду. Женщины действительно тоньше. И им, конечно, нужен не только... и не столько секс. Им необходимо почувствовать себя женщинами... Без защиты. Не *беззащитными*, а именно без той защиты, которую они каждый день надевают на себя там, в своем деловом мире, как броню, понимаешь? Им от меня нужны ласка, нежность, понимание их потаенных желаний... И еще возможность выговориться, исповедаться... Пожаловаться то на мужа, то на любовника, то на отсутствие и того и другого... Или на коллег-мужчин... Занятно, я ведь не исповедник и не психолог...

– И что, ждут твоего совета?

– Редко. Обычно они рассказывают лишь для того, чтобы выговориться. Им достаточно того, что я слушаю и сочувствую.

– Саша, у меня к тебе вопрос на засыпку... но помни, что твое имя в статье не будет упомянуто, так что ответь честно: ты им *действительно сочувствуешь*? ты их *действительно понимаешь*? Или делаешь вид?

– Александра, а ты считаешь, что это можно изобразить? Причем так, что женщина бы не просекла?

– О, да! Да, Саша, *это* можно изобразить! Женщины нередко *хотят* верить, отчего и обманываются. На этой их черте строят свой бизнес брачные аферисты, к твоему сведению.

Он снова очаровательно растерялся.

– Но я... Не знаю, как объяснить... Я действительно им сочувствую... Мне их жалко... Почти всех. Знаешь, я не хотел бы родиться женщиной! Им... вам трудно.

Тему о трудной женской доле Александра поддерживать не стала. Она бы не хотела родиться мужчиной – слишком дорожила тонкостью женского восприятия, недоступной мужчинам. Или уж если родиться мужчиной, то только таким, как Алеша, ее муж.

– У тебя есть, кроме запаха, другие ограничения?

Саша подумал немного.

– Есть... Грубость. Некоторые разговаривают уже по телефону так, словно я лакей.

– В этих случаях ты отказываешься?

– Не всегда. Некоторые грубят от смущения... Таких я пытаюсь разговорить, успокоить, и они постепенно расслабляются и меняют тон. Но попадаются настоящие хамки. С ними я быстро пресекаю разговор.

– А как ты отличаешь по телефону, которая из них хамка, а какая грубит от смущения?

– Чувствую, – пожал плечами Саша.

Мда... Вот так вот, ни больше ни меньше: *чувствует* он! Профессиональные психологи могут отдыхать.

– Саш, почему, как ты думаешь, так сильно различаются условия женской и мужской проституции? Ты вот можешь отказать неприятным клиенткам, а подружка твоя, Маринка, отказать вонючим и наглым не может?

Александра знала ответ на этот вопрос – женской проституцией она уже давно интересовалась, предмет изучила. Корни уходили в историю, в давным-давно сложившуюся и устоявшуюся систему обслуживания мужских сексуальных потребностей. Унизительную для женщин систему, но прочную. Тогда как мужская проституция возникла едва ли не вчера – в новых условиях, где не существует ни системы, ни дурных традиций... *Пока*.

Однако журналистка хотела услышать ответ проститута Саши.

Он пожал плечами, и его хорошенькая мордочка отобразила некоторое недоумение.

– Так сложилось... Женщин-проститутток намного больше, чем парней, конкуренция очень высокая, – им выбирать не приходится, девчонкам!

– А ты не задумывался о том, что мужская проституция развивается из года в год, конкуренция растет? Что, если через пару лет тебе придется столкнуться с такой же ситуацией, с которой сталкивается твоя подружка Маринка?

Саша удивился. Подумал.

– Нет, – твердо произнес он наконец. – Это невозможно. Когда я получу диплом, я найду работу по специальности, а она востребована... И я брошу проституцию. Она для меня финансовая поддержка на время учебы, не больше. А у девчонок ситуация другая, и я не смогу объяснить, почему: они ничему не учатся, у них нет перспектив, нет будущего... Хотя, смотрите: статистика такая, что в вузах больше девок, чем парней. И читают они больше, по статистике! Почему себя с концами схоронили в этой гнилой профессии?! Никогда не задумывался, а вот сейчас ваш вопрос меня навел на мысли... Вернее, мыслей-то у меня никаких нет...

– Не грузись. Вопрос слишком сложный, вряд ли мы с тобой найдем на него ответ с ходу.

Александра мысленно пробежалась по их разговору, чтобы понять, пора ли беседу сворачивать, или что-то еще осталось невыясненного, неспрошенного...

– Саша, ты сказал, – она сверилась с блокнотом, – что вопрос гигиены *в первую очередь*. А во *вторую*?

Саша вдруг покраснел.

– Ты, наверное, просто не совсем точно выразился? – поспешила ему на помощь Александра. – Так часто бывает, даже у меня, представь! Напишу: «во-первых», – а «во-вторых» нету! – она улыбнулась. – Приходится потом править.

– Ну почему... У меня есть «во-вторых»... В смысле, во *вторую* очередь...

Он почему-то покраснел еще больше. Александра не стала его торопить.

– Есть грязные тела... – заговорил он, – а есть грязные души... И я... я чувствую их запах...

Он смутился окончательно. Александра гадала, почему. Из-за того, что подался в высокие материи?

– Ты меня понимаешь? – спросил он с надеждой.

– Хм... Не совсем. Понятие «грязной души» – да, понимаю. Но ее *запах*? Как ты это определяешь?!

Александра опасалась столкнуться с демагогией, с которой сталкивалась уже не раз в своих рандеву с «проститутами»... И не только с ними, разумеется. Однако Саша ответил просто:

– Не знаю, – он покрутил головой. – Не могу ничего сказать толком. Просто чувствую, и все.

Он умолк. Но журналистка хотела во что бы то ни стало услышать пояснения.

– Это не связано с гигиеной тела?

– Нет... Хотя нечистоплотные люди обычно и душевно нечистоплотны, отчего с ними проще... Зато чистюли... о них наперед ничего не скажешь!

Хм, неплохо! Александра быстро черкнула в блокноте.

– Если ты их, «грязные души», чувствуешь сразу, – выходит, ты с ними отказываешься встречаться? Как с теми хамками, о которых ты упоминал?

Мальчик снова растерялся, и Александра вдруг подумала, что он не свои мысли говорит – чужие. Но ей было интересно – пусть даже чужие! – их услышать.

– Да, как с хамками... Но иногда бывает, что...

* * *

Устав от многоточий собеседника, Александра принялась задавать наводящие вопросы и буквально выдавила из Саши небольшой монолог.

– ...Есть женщины, которые постоянно врут себе, – говорил он. – Они хотят видеть себя супердивами, у ног которых лежит весь мир. Проблема их в том, что мир как раз не лежит у их ног, в силу чего они отыгрываются на таких, как я, на парнях по вызову. С подобными дамами крайне трудно иметь дело: они требуют невозможного! Они хотят, чтобы я восхищался ими от волос на голове до пяток. Тогда как волосы крашенные и больные, тусклые и сеченые, а пятки давно потрескались и представляют собой весьма неэстетичное зрелище! А я, Александра, врать не особо умею... Если женщина мне в целом нравится, то я что-то могу скрыть, какие-то негативные мелочи. Но когда приходит вот такая цаца и требует глобального восхищения, – тут все, мертвяк. Самое же главное в том, что она пришла точно за тем же, за чем приходят все женщины: за лаской и за возможностью выговориться. А строит при этом из себя черте что... Кому это нужно? Ни ей и не мне. Такая женщина обманывает себя и пытается обмануть меня. А там, где ложь, – там и грязь. Вернее, где *ложь самой себе*... Вот это самое страшное. И самое

безнадежное. Ведь мы как боремся с грязью в своей душе? Мы ее видим – и гоним из себя. А когда человек не видит? Не хочет видеть? Значит, никогда и не изгонит из себя дурное... Мне кажется, что самый страшный обман из всех, которые существуют на свете, – это когда человек лжет себе. В этом случае он неизлечим. Ложь самому себе действует, как СПИД: она разрушает иммунитет, сопротивляемость дурному...

Ишь, философ... Но хорошо сказано. Просто на удивление точно! Александра пометила в блокноте: *запах тела, запах души, ложь себе действует как СПИД*, и еще раз внимательно рассмотрела Сашу: с виду простой парень, ни за что не догадаешься, что такие мысли в его голове водятся...

Хотя нет, не его это мысли – явно с чужого плеча. Или из чужой головы, если угодно. Но все равно интересно! К тому же, раз он их повторяет, значит, они ему близки.

– Здорово ты это сформулировал. Я использую в статье твое сравнение со СПИДом, ты не против?

– Нет, конечно.

Улыбка у него добрая, мягкая.

– Значит, с такими ты не можешь?

– У меня же *там* не компьютер с программой, которую стоит только запустить!

– Ссылаешься на проблемы с животом? – засмеялась Александра.

– Ну да... Ничего более убедительного я не придумал...

Александра убрала блокнот в сумку. Разговор закончен. Остался дежурный вопрос, который она задавала всем проституткам, с которыми встречалась:

– Саша, ты не мог бы меня свести с кем-то из твоих клиенток?

– Вы что! Это же такое дело... интимное!

Ну, правильно – так говорили все проституты.

– Я понимаю, – мягко ответила журналистка. – Ты просто спроси: вдруг кто-то согласится. Я обещаю полную конфиденциальность, полнейшую! Пусть даже женщина назовется вымышленным именем, мне все равно... Можно и по телефону!

– Ладно, поспрашиваю... Сегодня у меня никого нет, а вот завтра должна прийти одна, спрошу. Кстати, в набор моих услуг входит массаж. Сделать вам? Бесплатно!

– Массаж?..

– У меня в наборе есть обычный, классический, есть и эротический... На выбор.

Александра задумалась. Узнать, что такое эротический массаж, было бы интересно... Но...

– Да не бойтесь, я же не стану вас насиловать! Мне секса и так хватает, даже выше крыши. Просто я думаю, что вам не помешало бы... Вижу, как зажато ваше тело, шея, плечи... У вас сейчас наверняка не самый легкий период в жизни...

– Не самый... – согласилась она. – Маленькие дети, близняшки, работа урывками, – все это грузит, сложно между разными обязательствами лавировать... Но я люблю своего мужа...

– Александра, разве я вам предлагаю ему изменить? Я **массаж** предлагаю! Давайте сделаем классический, чтобы ваша совесть была чиста! Он оживит тело, придаст ему энергии, только и всего!

Саша чуть иронично усмехнулся.

Массаж бы ей и вправду не помешал, но влекло ее больше любопытство: что в нем такого, в этом *классическом* массаже, раз его предлагают практически все проституты? Что-то особенное – или обычная релаксация?

– Ну, поехали ко мне?

Саша жил недалеко, на Лесной улице, и она согласилась.

* * *

...Массаж и в самом деле оказался обычным, с той лишь разницей, что Саша намного лучше чувствовал ее тело (точнее, спину, поскольку она попросила *массаж спины*), чем все те специалисты, к которым она до сих пор обращалась.

Вместе с дорогой все мероприятие заняло у Александры примерно полтора часа, и в половине первого она была уже дома, на проспекте Мира.

О чем сообщила мужу по телефону.

Они нежно пожелали друг другу спокойной ночи, как всегда. Только голос Алеши был чуть суховат...

Или ей это показалось?

Среда. Алексей Кисанов

Алексей Кисанов положил трубку со странным чувством тревоги. Словно стены квартиры вдруг стали тонкими, хрупкими, ненадежными, пористыми, и порывы пурги, бесившейся за окном, вбивали колкий снег через эти поры прямо к его ногам. Небольшой вроде сугробец намело, но он леденил...

Не ноги – душу.

Он даже посмотрел вниз, на пол: разумеется, никакого сугроба там не было и быть не могло. Это называется *метафора*, кажется... Как объясняла Александра, метафора иносказательно описывает состояние души: *завяли лютики* – значит, у девушки проблема в любви. Ну, как-то так.

Мнимый сугроб, значит, отражает состояние его, Алексея Кисанова, души... Снег сквозь стенки, ишь ты!

Алексее данная *метафора* совсем не нравилась, и он прогнал ее от себя, как противную муху.

...А потом вдруг взял да вернул. Нет уж, мухи имеют свойство прилетать обратно! Метафоры, возможно, тоже летучие, как знать? Лучше уж сразу разобраться, отчего прилетела метафора да зачем. Препарировать ее, как на аутопсии, рассмотреть ее, как улику, – улику... ммм...

Ну да, *улику состояния его души*!

Поскольку Алексей был сыщиком – когда-то опером на Петровке, а последние годы частным детективом, – то и терминология у него была соответствующая.

Итак, стенки вдруг ослабели, как детские коленки, от страха. И холод пришел. И сугробец у домашних тапочек.

Что ж... Ясенько. Александра уже неделю не ночует дома, встречается с мужиками, которые занимаются проституцией... С красивыми мальчиками, юными мальчиками...

И вот он, диагноз: Алексей Кисанов, умный и логичный, мужественный и уверенный в себе, – он испугался, что в отсутствии Александры дома, в этих встречах таится угроза их отношениям! Это не квартирные стенки дрогнули – это «стенки» их отношений дрогнули!

Правильно я расшифровал *метафору*, Сашенька, а? – саркастически хмыкнул он.

...Стало быть, испугался. И уже сугроб ему намело, и холодом овеяло могильным: то есть **сильно** испугался.

Вот дурак!

Александра – журналистка. Ее может сдернуть в любое время дня и ночи в поисках материалов для очередной большой статьи! Маленьких статей она не писала: она работала в жанре *исследования* проблемы.

Это было близко ему по духу – с той лишь разницей, что его работа называлась *расследованием*, поскольку он являлся частным детективом.

Так откуда страхи? Долой их!

Долой!

* * *

Алексей, бросивший курить пару лет назад, пошел искать заначку.

Нашел в глубинах шкафа, плотно притворил дверь на кухню, открыл форточку, в которую тут же полетел снег... Но все равно прикурил, затянулся.

Он понял, откуда этот страх.

* * *

Они очень любили друг друга, очень. Они сошлись, оставив позади нелегкий и невеселый опыт, каждый свой. И сошлись потому, что поверили друг другу. Бесконечно и безусловно.

Саша однажды сказала, что они стали, как сиамские близнецы, с единой системой кровообращения. Один без другого не может существовать.

И это правда.

Только...

Пока мужчина и женщина пребывают в статусе влюбленных, они повернуты лицом друг к другу. Они друг в друга смотрятся, любят, наслаждаются, – и покуда влюбленность длится, то длится и это наслаждение.

Но когда образовывается семья... С детьми... с многочисленными хлопотами и обязательствами, – тогда мужчина и женщина больше не смотрят друг другу в лицо. Они теперь плечом к плечу, а лицом – к этим хлопотам и обязательствам!

Они союзники в семейном деле, да, и это важно. Семья – это тыл. Это единственное убежище от невзгод жизни, единственное прибежище добра и любви...

В теории.

А на практике, когда больше не *лицо в лицо*, а *плечо к плечу*, то влюбленные превращаются в союзников. То есть, в **товарищей**. По быту.

И тогда любимое лицо забываешь...

И начинаешь всматриваться в другие, желая заново ощутить наслаждение влюбленности...

Ведь такое часто бывает, верно?

Верно.

* * *

Выпуская дым от редкой своей сигареты в форточку, Алексей вдруг произнес вслух: ЧУШЬ!

Вернее, не совсем чушь: для многих, многих семей расклад именно таков. Не случайно эти мысли пробрались в его голову: видел он такой поворот в отношениях семейных пар, да не раз!

Но к ним с Сашей это не имеет никакого отношения!!! Никакого!!! Они с Сашей... Они... У них все иначе! У них все...

Стоп.

Не надо врать себе, приятель. Не надо.

Вот где яд, вот он: Алексей однажды любимой изменил¹. Александра тогда даже не женой ему была, так что все эти идеи насчет семьи... Глупости сплошные, а не идеи!

Ладно б он просто не устоял перед сиюминутным влечением, подогретым алкогольными парами... – еще можно было бы хоть как-то понять, простить...

Простить – Александре, а понять – ему.

Но он **увлекся** другой женщиной. По-настоящему. Тот факт, что женщина сия оказалась великолепным манипулятором, Алексея не извиняет: он ведь уже давно не был пацаном! Взрослым мужиком, опытным был. И любил Александру. Да что там «любил» – слово-то какое

¹ Эта история описана в романе Т. Гармаш-Роффе «Ведьма для инквизитора», издательство «Эксмо».

затасканное! Саша была для него жизнью, счастьем, судьбой... ВСЕМ. Он несколько лет положил на то, чтобы ее завоевать!

Только это не помешало ему увлечься другой...

Тогда Александра его великодушно простила, а он казнился, понимая, что нечем искупить вину...

Но самое страшное наказание оказалось впереди: сам предав однажды, он стал бояться предательства. Оно теперь, – так легко, так нечаянно приключившееся с ним самим, – стало казаться ему возможным и со стороны Александры.

Он верил ей. Он знал, что она никогда не солжет ему.

А все же – а все же! – страх засел в нем. Ведь необязательно лгать. Да Александра и не станет. Просто вдруг она придет однажды и скажет – честно, как ей свойственно: – «Я полюбила другого, прости»...

Не-е-ет! Только не это!

Лучше ложь: она милосерднее...

Вот поэтому сегодня стены оказались дырявыми, поэтому снег намел сугроб у его ног...

Поэтому. Из-за его предательства.

Александра пожелала ему спокойной ночи... но он знал: ночь ему предстоит бессонная.

Четверг – пятница. Рита

Весь следующий день, – а поезд ехал до Москвы больше суток, – Рита провела почти не выходя из купе, читая в компьютере роман, который перед отъездом скачала с Интернета. К ней, слава богу, никто не подсел на других станциях, – оно понятно: билеты в СВ дороги, – никто не мешал ее одиночеству.

Ночное свое вдохновение она безжалостно прогнала, сказав себе, что для начала нужно найти, где в Москве остановиться, где ночевать, где поставить свой ноутбук, чтобы можно было выполнить в срок уже полученные заказы... А мечты о новой жизни... Это потом.

Заснула она рано, с учетом недосыпа предыдущей ночью.

* * *

– Подъезжаем к Москве-е-е!

Зычный голос проводницы растревожил немногочисленных пассажиров мягкого вагона. Рита потеряла глаза, с трудом соображая, где она, зачем и почему.

Она едва успела умыться и выпить полстакана чаю, как показались перроны Ярославского вокзала.

Поезд плавно затормозил, и Рита, подхватив дорожную сумку и портфельчик с ноутбуком, выбралась из вагона.

Витю Машеева она помнила смутно, – ну да как-нибудь узнают друг друга!

* * *

Она стояла, пока перрон не опустел. Все пассажиры разошлись – одна только Рита торчала на платформе.

Витя не появился ни через десять минут, ни через полчаса. Тридцать пять минут спустя, окончательно замерзнув, она побрела в здание вокзала – там, по крайней мере, было тепло. Найдя телефон-автомат (мобильный-то использовать не могла!), позвонила...

Длинные гудки долго резонировали в бывшей квартире ее подруги Нины. Витя то ли снова пил, то ли спал, – во всех случаях забыл или не захотел встречать Риту.

Проще говоря, облом.

Ну и черт с ним!

Она осмотрелась, нашла глазами указатель на круглосуточный ресторан и отправилась туда. Расположившись за столиком, сделала заказ, блинчики с мясом и сметаной, затем достала свой «нотик», как она ласково называла ноутбук. Здесь имелся бесплатный доступ в Интернет, о чем сообщали рекламные панно, и Рита с удовольствием убедилась, что реклама не врала. Она открыла поисковик и завела в него слова «квартира комната на ночь», пометив галочкой опцию поиска в Москве.

Сайтов выскочило немыслимое количество. Пока она изучала открывшиеся ссылки, ей принесли заказ. И, неспешно поедая блинчики – довольно вкусные, к слову, – она одновременно привычно кликала мышкой.

* * *

...Блинчики она уже прикончила, а подходящего объявления так и не нашла. Квартиры и комнаты, сдававшиеся посуточно, находились в руках агентств по недвижимости, – то есть

для оформления договора требовался паспорт. Что Риту никак не устраивало. Митя, если он Риту ищет... – а он ее, конечно, ищет, он горит желанием мести! – то найдет «на раз».

В вокзальном ресторане народу было мало в это предутреннее время, никто Риту не торопил, не гнал, косо не смотрел. Она все искала в Интернете частные объявления, за которыми не стоял бы агент, вводя новые уточнения в окошко поиска: «без агентов», «без посредников».

Наконец она попала на сайт московской газеты частных объявлений, а там и посуточно сдававшееся жилье «без посредников». Записав номера телефонов хозяев, Рита принялась за другой поиск: где в Москве можно купить SIM-карту. Нашла ближайший к вокзалу павильон связи, выписала адрес, стараясь запомнить местоположение по карте, найденной в Интернете.

Постепенно в больших окнах ресторана черное сменилось серым. Выходить из вокзала не хотелось – в холодный, незнакомый город... Но делать нечего, пора!

* * *

Расплатившись, Рита пристроила дорожную сумку в камеру хранения, переложив в карманы портфеля, где лежал ее ноутбук, – с ним-то она не расставалась никогда! – деньги и паспорт, и покинула вокзал.

Рассвет был неярким, пасмурным, но все же день начинался. Пурга унялась – снег все еще шел, однако ветер поутих, что уже радовало.

К ней кинулись мужчины, предлагавшие услуги такси, но Рита отмахнулась: «Мне тут рядом, пешком дойду».

* * *

Павильончик, где продавались SIM-карты и прочие важные для мобильных и Интернет-связи вещи, она нашла легко, но... Но только тут сообразила, что на свое имя оформлять симку нельзя! Митя ведь...

Митя. Раскаленный от ярости и похоти бык на корриде. Рите выступать в роли тореадора совсем не улыбалось.

Она спросила какую-то женщину, где ближайший продуктовый магазин, и двинулась в указанном направлении, в надежде найти какого-нибудь алкаша, который согласится предоставить свой паспорт для оформления SIM-карты за умеренное вознаграждение.

Облом! Алкоголь, оказывается, продают только с десяти утра, – Рита, употреблявшая его только изредка и в компаниях, ни разу, кажется, в жизни не покупала самостоятельно бутылку и правил не знала.

Она посмотрела на часы: начало десятого. Ждать не хотелось. В здании вокзала есть телефоны-автоматы, этот почти атавизм...

Она вернулась. И принялась прозванивать выписанные номера.

* * *

...Черт бы их побрал, прохиндеев! «Без посредников», называется! Тогда как по большинству номеров отвечали агенты! От двенадцати номеров у Риты осталось только четыре, где, похоже, все-таки сдавали сами хозяева...

Она договорилась о встрече со всеми, с интервалом в два часа. Забрав свою сумку из камеры хранения, она взяла такси и направилась по первому адресу.

* * *

По дороге Рита с любопытством смотрела в окно машины, разглядывая дома, улицы, людей. В Москве она была один раз, давно, еще со школьной экскурсией. В ее памяти остался большой и бестолковый город, не поддающийся логике. Город-хаос – таким она его запомнила. Тогда она еще не была программистом, но способность к логическому мышлению уже давала себя знать. Рита с детства ощущала логику как основу всех вещей – здоровую и обязательную основу! И *нелогичная* Москва вызвала у нее чувство недоумения... Хотя сейчас она уже не могла вспомнить, почему. Помнилось совсем другое: неожиданные островки покоя и красоты, узкие извилистые переулки с изящными старинными особняками, поразившие воображение девочки, выросшей в промышленном центре, в городе заводов и дымных труб.

Эти островки не сочетались с хаосом огромного города, с суетностью его обитателей. Красота была вечной, а суетность – сиюминутной, вот, наверное, в чем дело...

И теперь Рита рассматривала Москву из окна автомобиля, вспоминая свои детские впечатления. Город, конечно, изменился, неся на себе печать времени – рекламу, яркие вывески новых магазинов. И, кажется, стал более ухоженным: фасады старых домов посветлели, отремонтированные. Но все это являлось лишь косметикой, уловками макияжа на лице столицы, не более. Ритин мозг был устроен так, что всегда и во всем вычленил суть, минуя отштукатуренную поверхность. Ее никогда не пленяла одежда на людях, – она сразу пыталась очертить для себя личность, и искренне не понимала тех, кто велся на шмотки. Какая разница?! Не с платьями же дружить, не с костюмами же отношения заводить!

Как ни странно, при всей своей вопиющей очевидности мысль эта была, по неведомой причине, достоянием одиночек. Люди обольщались «уловками макияжа». Потом плакали, страдали, узрев себя обманутыми, и... снова обольщались. Такой вот парадокс.

Но Риту новый макияж столицы не обманул. Она подмечала разные детали, особенно лица людей на улицах, в машинах рядом. И думала, что этот город, не будь он столицей, был бы прекрасен... Однако он являлся, на беду свою, столицей, а значит, уязвимым пространством, в котором много, слишком много пришлых, и каждый пытался навязать ему свои законы... Москва утратила свой дух – ее жители больше не были *москвичами*, особым племенем, объединенным общими чертами.

Бедный город – погубленный город... Как то самое одеяло, которое каждый тянул на себя, разорвавшееся, в конечном итоге, на лоскуты, – вот такой ей представлялась теперь Москва. Похожей на квартиру ее детства, слишком перенаселенную, где разнонаправленные волеизъявления – желания, потребности, прихоти или капризы – ее обитателей разрывали единое физическое пространство на множество душевных пространств, плохо совместимых, а то и враждебных. Они никогда не были настоящей семьей – они являлись собранием разнородных людей в одной физической точке. Так и Москва: населявшие ее граждане больше не были семьей – *москвичами*, – она стала Вавилонской башней, где люди говорили на разных наречиях, не понимая друг друга, и строили башню – каждый свой фрагмент – по своему усмотрению, по присущим им культуре и пониманию...

Грустно это, подумала Рита, – то ли о своем детстве, то ли о столице.

* * *

...По первому адресу оказалась комната в коммуналке, хотя в объявлении было сказано «однокомнатная квартира». Причем закаканная до такой степени, что Рита сразу развернулась и покинула жуткое жилье, несмотря на возгласы толстой неопрятной хозяйки, пытавшейся ее удержать.

По второму адресу ее ждала сестра-близняшка первой коммуналки.

По третьему сдавалась и в самом деле однокомнатная квартира, умеренно-грязная уже хотя бы потому, что пачкать там было нечего: ни мебели, ни даже плиты с раковиной в ней не имелось. Что Риту никак не устраивало: не обзаводиться же необходимым для жизни на пару-тройку дней?!

Ей страшно не хотелось ехать в четвертую: чуяло ее сердце, что там такой же тараканник обнаружится... Но альтернативы не имелось, если только не считать за нее ночевку на вокзале...

Перекусив в каком-то кафе, она набралась духу и направилась по адресу.

Интуиция ее не подвела: тараканник в прямом смысле слова. Полчища поганых рыжих насекомых с любопытством смотрели на гостью, а небритый вонючий хозяин, казалось, их даже не замечал: свyksя, сжился...

* * *

Рита вышла на улицу. Темнело. День пролетел в бесплодных и утомительных просмотрах непригодного жилья. И куда теперь? И что теперь?

Чувство неприкаянности снова охватило ее... Но Рита его прогнала. Не маленькая, справится!

Снег все шел, но уже совсем редкий, крупными мягкими хлопьями, ласково касавшимися лица. Кажется, стало теплее...

Завидев кафе, Рита уверенно направилась в сторону зазывного неона, обещавшего почему-то итальянскую кухню вкупе с японской. Да ей без разницы – ей нужно где-то со своим «нотиком» расположиться! Ее флеш-модем исправно ловил Интернет, а по нему Митя ее не вычислит: она ведь подключается к московской сети!

Заказав какую-то снедь, она открыла ноутбук. Батарейка еще тянула, но...

– Девушка! – позвала она официантку. Та, к счастью, еще подходила под определение «девушка», иначе бы Рита смутилась: нет у нас приличного обращения к незнакомым людям, нет. Почему так вышло, Рита не знала. Но вышло очень глупо, неправильно.

– Да? – откликнулась та.

– Тут есть где-нибудь электрическая розетка? Мне нужно компьютер подзарядить.

Официантка пошла спрашивать. Вернулась с каким-то мужчиной, тот переспросил, что Рите требуется. И, поняв, пересадил ее за другой столик, поближе к барной стойке: прямо за ним в стене имелась розетка! Надо думать, в нее включают пылесос, когда убирают помещение...

Вот счастье! Как мало иной раз нужно, чтобы ощутить себя чуть ли не на вершине блаженства, – иронизировала над собой Рита, втыкая вилку «нотика» в сеть...

* * *

Ела она, глядя в компьютер, – привычка. Просматривала объявления, вводя все новые запросы в поиск, но ничего интересного не попадалось: либо за объявлениями стояли агенты, либо предлагались явные «тараканники».

После еды потянуло в сон. Рита мало спала прошлой ночью, а за день устала. Да только где же ей ночлег светит?!

Заказав двойной кофе, она в очередной раз изменила ключевые слова поиска и вновь принялась щелкать по ссылкам...

А это что еще?! «2 часа – 5 тысяч, ночь – 10 тысяч». Ничего себе, расценочки!..

Мама родная, так это...

Рита не верила своим глазам: ей открылся сайт, где мужчины предлагали сексуальные услуги!

Дожили... Мужики занимаются проституцией, вы такое видели?!

* * *

Заинтригованная, она просмотрела несколько объявлений, попивая крепкий кофе. Нет, ей не померещилось: речь шла именно о мужской проституции! И ночь у этих мужчин стоила от десяти тысяч и выше.

«Наверное, хоть не «тараканники»...» – подумала Рита, выписав несколько номеров.

На ее вопрос о местонахождении ближайшего телефона-автомата в кафе никто ответить не смог. И тогда Рита, присмотрев среди посетителей кафе одинокого щекастого мужика, малость поддатого, испросила у него разрешения воспользоваться его мобильным – за плату, разумеется. Щекастый охотно согласился предоставить ей свой мобильный – от денег отказался, однако поставил условие, что «прекрасная незнакомка» выпьет с ним очередную порцию виски.

Делать нечего, Рита согласилась. Пришлось ждать, пока принесут рюмки. Затем пришлось проглотить виски: щекастый был настроен решительно – пока она не выпьет, мобильник ей не даст. Рита поняла: мужик рассчитывал на продолжение отношений...

Ну, пусть рассчитывает, это его проблемы. Заполучив в руки мобильный, она отошла от стола и набрала номер того *проститута* (так эти мужчины назывались на сайте), чья морда показалась ей поприятней.

– Саша? Здравствуйте... Я хотела бы приехать к вам на ночь... Да, расценки видела. Наличными? Хорошо. После девяти вечера? Мне подходит... Куда ехать?

Она вернулась за свой стол и накорябала, прижимая трубку к уху плечом, на салфетке адрес. После чего вернула мобильный хозяину и направилась к выходу.

– Эй, ты куда? – заорал щекастый.

Рита не ответила, закрыв за собой дверь японско-итальянского заведения.

* * *

Проститут жил недалеко от Белорусского вокзала, и такси домчало ее быстро. Пробок сегодня не случилось – впрочем, Рита ничего не знала о московских пробках и оценить свое везение не могла.

Набрала номер квартиры на домофоне, затем поднялась на четвертый этаж на лифте. Молодой человек весьма приятной наружности – в полном соответствии с фотографией, что уже радовало! – распахнул перед ней дверь квартиры, слышав характерный звук старого лифта в старом доме.

– Рита?

– Саша?

– Проходи... – отступил он, разглядывая ее багаж. – А ты... А сумки зачем?

– Я с поезда.

– Ага... – произнес Саша с такой интонацией, словно ему все стало ясно, хотя, конечно, ни черта ему ясно не стало! – Тогда давай их сюда, мы тут в уголке поставим...

Он принял у нее дубленку и пушистую шапочку, разместил на вешалке одежду с оттаивающими снежинками и повернулся к госте.

– Какая ты красивая!.. – восхищенно произнес он.

Рита тоже считала, что она красивая, но в данном случае Саша сделал ей просто дежурный комплимент с дежурным восхищением, предполагая в ней клиентку для своих секс-талан-

тов. Стой перед ним последняя уродина, он бы сказал точно то же самое и точно так же, без сомнения.

Посему Рита поспешила объяснить:

– Саша, я, на самом деле...

– Не надо стесняться! – он задушевно улыбнулся. – В том, что ты пришла ко мне, нет ничего предосудительного, уверяю тебя!

– Я не стесняюсь, – с легкой досадой проговорила она. – Ты послушай меня, ладно?

– Конечно, милая... Только помни: ты имеешь право на наслаждение, как любой чело...

Может, она зря сюда пришла? может, лучше было согласиться на «тараканник»? Этот парень, понятно, привык видеть у себя искательниц плотских наслаждений, и вряд ли ей удастся объяснить, что она явилась к нему лишь с целью переночевать...

– Саша, я заплачу тебе за ночь. Столько, сколько указано в твоём объявлении. Но мне секс не нужен, понимаешь? Мне просто негде переночевать. Мне поспать надо. Одну ночь только... Ты не против?

– Я умер! – сообщил Саша, скорчив смешную рожицу. – А ты точно уверена, что тебе секс не нужен?

– А я что, непонятно сказала?

– Понимаешь, Риточка, иные женщины приходят ко мне... Правда, так уж прямо не говорят, как ты, что секс не нужен, но приходят и *делают вид*, что не нужен, типа «не очень-то и хотелось»! А зачем тогда пришли? И мне мозги напрягать: какие там у них проблемки в головке и пониже...

– У меня ни в голове, ни пониже проблем нет. Расслабься. Я ведь плачу за ночь, – тебе не все равно? По-моему, тебе только лучше: напрягаться не надо, а? Постели мне где-нибудь, мне нужно выспаться. А утром я уйду.

Саша помотал головой, словно не до конца веря, но все же пригласил гостью пройти.

У него оказалась двухкомнатная квартира со смежными комнатами: одна являлась спальней с широкой кроватью, как заметила Рита в приоткрытую дверь, другая служила одновременно гостиной и кабинетом. Тут стояли большой плазменный телевизор, роскошный диван и внушительный компьютерный стол. Стоило это все немало – хорошо парнишка зарабатывает проституцией, надо же!

– Устроит? – спросил Саша, разложив диван для ночлега.

– Еще как! – ответила Рита.

– А ты уверена, что тебе секс не нужен? Раз ты платишь, так почему бы тебе не отдохнуть, не развлечься?

– Мне выспаться надо, Саш. Я... Слушай, у меня такая возникла ситуация, дурацкая... Я утром приехала в Москву, и мне негде ночевать, понимаешь?

– Но ты же платишь по тарифу за ночь, так почему ты не хочешь... Ты замужем?

– Нет.

– Ты фригидна?

– Блин!

– Не, слушай, ты должна мне это объяснить! Такого у меня еще не было! – заржал он. – Чтобы красивая девушка платила за ночь и при этом не хотела оттянуться?! Пойдем-ка чаю выпьем, что ли... Есть хочешь?

* * *

...Они полночи просидели на кухне. Что-то рассказывали о себе, не всю правду, понятно, но все же часть ее. Саша объяснял, отчего занялся проституцией, – ничего особенного, ради

денег, кто бы сомневался, – но ему почему-то вдруг захотелось оправдаться в глазах своей необычной гостьи.

Рита – откровенность на откровенность! – в нескольких словах объяснила причину своего бегства. О хакерской работе она, разумеется, умолчала, но уже сам факт ее заработков программистом без декларации вызвал у Саши сочувствие. А как же иначе? Он ведь тоже не декларировал свои доходы от проституции...

Саша потчевал гостью дорогим коньяком. Похоже, возможность выговориться стоила в его глазах куда дороже, чем плата за его секс-услуги.

Рита пила аккуратно – состояние опьянения она не выносила и всегда бдила, чтобы до него не дойти. Отчего обычно всячески растягивала свои максимальные сто грамм на многочисленные тосты в компаниях. Правда, с Сашей ей подобная бдительность не понадобилась: он не следил, сколько пьет его гостья, и не приставал: «пей до дна!». Наверное, его профессия (или хобби?) приучила к корректности.

– А позавчера ко мне журналистка одна пришла, представляешь? – говорил Саша, уже чуток заплетаясь языком. – Интересовалась моими клиентками, как я с ними, кто мне нравится, кто нет... А я, знаешь, ей про запахи рассказал! Это ведь очень важно! Это такая область, которая...

Рита слушала, кивая. Сашка был совсем мальчуган – щеночек, которого хотелось пощекотать по пузику, – и плел что-то чересчур умное, не по размеру ему, как если бы на мопса надели попону от добермана. В книжке вычитал какой-то, решила Рита, но ничего не сказала: зачем разочаровывать мальчишку?

– Еще она спрашивала, как я до жизни такой дошел... – продолжал Саша. – А что мне сказать-то ей было, Рит? Что ради денег? Постыдился... А сказать, что ради любви к женщинам, – так неправда! Я люблю женщин, вообще-то правда... Но неправда, что я ради этого таким делом занимаюсь...

– Саш, – Рита не чувствовала в себе расположения заниматься психоанализом, – а кому какое дело? Чего ты маешься, не понимаю? Ну, радуешь ты баб своей мужской силой, и слава богу... Чего ты дергаешься? Я вот программист, тоже радую своих клиентов выполненными заданиями... Ты же не насилуешь никого, верно? Сами приходят, сами денежки приносят... Так не майся!

– Ты *программист*?! Рит, слухай, у меня комп зависает с утра, не глянешь?

– Я вообще-то тебе намереваюсь заплатить за ночь. За спокойную ночь сна!

– Не, ну я понял... Рит, я не возьму с тебя деньги, – ну, раз тебе не нужен секс, я не буду с тебя брать... Но посмотри мой комп, там чего-то такое... Вирус, мож? Глянь, а?

Рита согласилась. Как бы хорошо она ни зарабатывала, но все же десять тысяч за ночь у проститута ей казались чрезмерной платой. Поэтому предложенный им бартер – она почистит его компьютер и будет спать бесплатно – ее устроил. С ее знаниями дело не займет больше получаса!

* * *

Они выползли с кухни – во всяком случае, данный глагол весьма точно характеризовал Сашу: он хватался за каждую опору на пути.

– Постельное белье там вон в ящике... Я пошел спать, Рит... Так ты мой комп посмотришь?

Она кивнула и помахала ему. Саша скрылся за дверью спальни, а она под села к его компьютеру. Включила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.